

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОДЪ:
Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки . . . 12 р.
» съ доставкой . . . 13 р. 50 к.
» съ пересылкою . . . 15 р.
Въ Москвѣ (у книгопродавцевъ Соловьева и
А. Ланга), безъ доставки . . . 13 р.

1 ГОДЪ. ТОМЪ I № 12.
15 МАРТА 1869 г.

Журналъ **ВСЕМИРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ** выходитъ ежене-
дѣльно въ форматѣ большого двойного листа въ 16
страницъ.

Государственная
Орденъ на
БИБЛИОТЕКА СССР

ГЛАВНАЯ КОНТОРА РЕДАКЦИИ
ВСЕМИРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ
(Германа Гоппе) находится въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
на БОЛЬШОЙ САДОВОЙ УЛИЦѢ, въ домѣ
ИЛЬИНА, № 16.

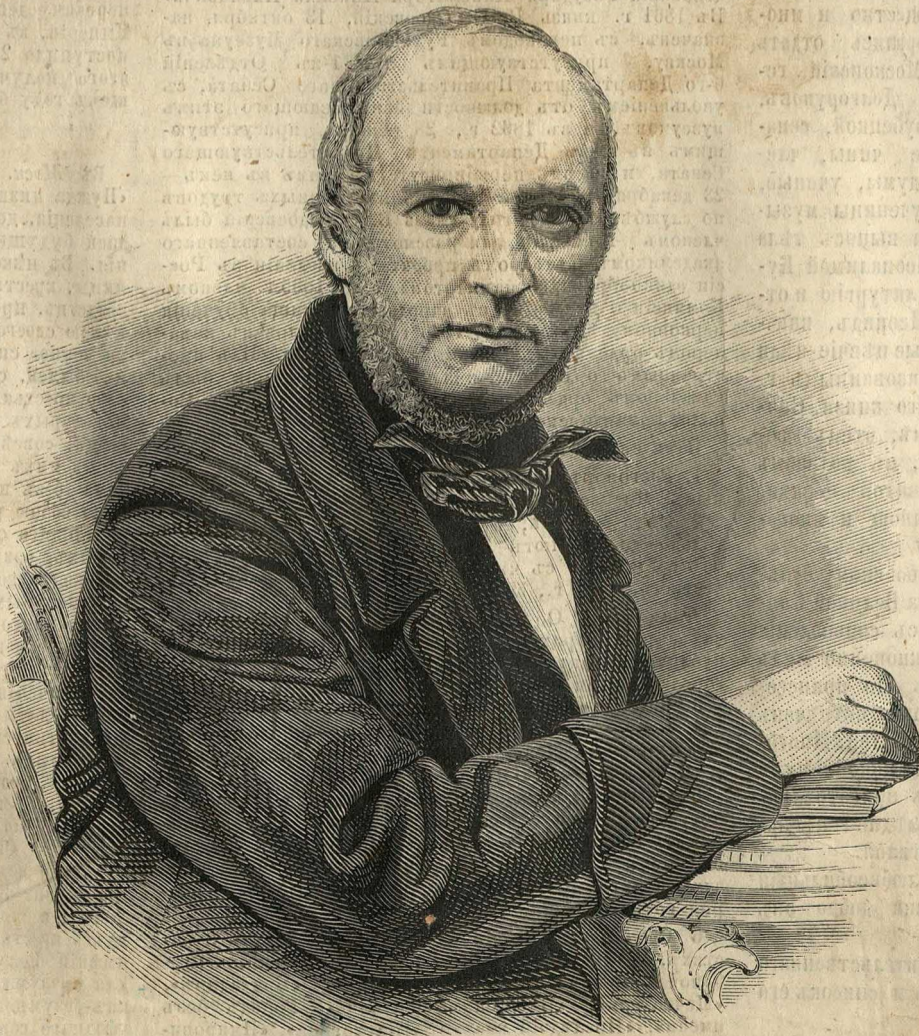
СОДЕРЖАНІЕ: Князь В. О. Одоевскій.—Внутреннія извѣстія.—Бывшія русскія владѣнія въ Америкѣ. Колоши.—Открытіе конституціонныхъ cortesвъ въ Мадридѣ.—Изъ записокъ кавказскаго офицера (окончаніе).—Гаварии (окончаніе).—Зданіе Петербургскаго Эрмитажа.—Мистеръ Вольфъ, Алхимикъ (окончаніе).—Библиографія.—Флоренція и Туринъ.—Успѣхи наукъ и цивилизаціи.—Похороны Фуадъ-Паши.—Шахматная задача № 8.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

РИСУНКИ: Князь В. О. Одоевскій.—Колоши.—Колошская деревня.—Открытіе собранія конституціонныхъ cortesвъ въ Мадридѣ 31 Января (11 Февраля).—Наружный видъ Императорскаго Эрмитажа въ С.-Петербургѣ.—Галлерея исторической живописи въ Эрмитажѣ.—Туринъ.—Флоренція.—Перенесеніе тѣла Фуадъ-Паши, на пароходъ «Renard», въ Вилла-Франка.

Князь Владиміръ Федоровичъ Одоевскій.

Кн. В. О. Одоевскій, о смерти котораго мы извѣщали въ некрологѣ прошлаго номера, принадлежалъ къ замѣчательнѣйшимъ личностямъ пушкинскаго періода нашей литературы, а стало-быть къ числу замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей.

Имя кн. Одоевскаго равно почетно, какъ литератора, общественнаго дѣятеля и какъ человѣка. Литературная дѣятельность Одоевскаго еще ждетъ достоюжной оцѣнки; можно сказать, что она замѣчена критикой, но нельзя сказать, что она вполне опредѣлена и разъяснена ею. Когда будетъ издано полное собраніе его сочиненій (общанное уже давно однимъ изъ здѣшнихъ книгопродавцевъ, но котораго доселѣ, къ сожалѣнію, не вышло ни тома), то критика увидитъ сколько идей, теперь сдѣлавшихся общимъ достояніемъ, впервые были высказаны кн. Одоевскимъ; она оцѣнитъ какихъ глубокихъ и тонкихъ психологическихъ задачъ касался Одоевскій въ своихъ «Русскихъ ночахъ» и съ какимъ умомъ и искусствомъ разрѣшалъ многія изъ нихъ. Не менѣе замѣчательны его ученныя изслѣдованія въ области музыки. Стоитъ вспомнить его *Письмо объ исконной великорусской музыкѣ и статью къ вопросу о древне-русскомъ пѣніи*; его содѣйствіе г. Потулову при гар-

Князь В. О. Одоевскій. † 28 февраля, 1869.

(Съ фотографіи Робиляра, гравировалъ Л. А. Спринковъ).

монизаціи мелодій кievскаго распѣва для литургіи Іоанна Златоустаго, въ томъ видѣ, какъ она изложена въ синодальномъ изданіи нотныхъ книгъ. Литургія эта, исполненная въ первый разъ въ 1864 г. въ церкви св. Георгія на Вспольѣ, а потомъ въ церкви Успенія, что на Покровѣ, во время славянскаго съѣзда, была пропѣта при погребеніи князя 2-го марта. Какъ мы слышали, послѣ князя осталась большая бібліотека, очень богатая музыкальными рукописями. Къ ученой дѣятельности покойнаго относятся его работы въ императорской публичной бібліотекѣ, которой онъ дважды (въ 49 и 51 г.) исполнялъ должность директора, а также то, что онъ былъ въ числѣ учредителей императорскихъ географическаго и археологическаго обществъ, и членомъ комиссіи о введеніи въ Россіи единообразнаго камертона.

Всѣ появившіеся въ печати отзывы о кн. Одоевскомъ рисуютъ его, какъ человѣка, глубоко преданнаго дѣлу науки и искусства, необыкновенно человѣчнаго въ отношеніи съ людьми, добраго, готоваго подать руку помощи, нравственно поддерживать всякаго начинающаго художника и литератора; послѣдняя черта напоминаетъ пушкинскій періодъ литературы и къ сожалѣнію почти не сохранилась въ послѣдующемъ литературномъ поколѣніи. Какъ отзывчивъ до конца жизни былъ кн. Одоевскій на всѣ вопросы искусства,

доказывает между прочим его статья «Не довольно!», написанная в ответ на этюд И. С. Тургенева «Довольно». Сколько в ней теплоты чувства, сколько вѣры в науку и знаніе; какая любовь къ неустанному труду сказывается в ней! Будущему біографу кн. Одоевскаго слѣдует еще обратить вниманіе на то вліяніе, которое онъ имѣлъ на литераторовъ и художниковъ. Мы напомнимъ при этомъ о письмѣ извѣстнаго актера В. А. Каратыгина къ князю, письмѣ, напечатанномъ годъ, или два тому въ «Русскомъ Архивѣ». Въ этомъ письмѣ, Каратыгинъ благодаритъ князя за указаніе на мнѣніе Гете о характерѣ Гамлета и пишетъ, что воспользуется имъ при исполненіи сказанной роли. Это письмо указываетъ, что кн. Одоевскій серьезно смотрѣлъ на актерское дѣло и старался передать свой взглядъ и актерамъ, что онъ понималъ, какъ важно для актера всестороннее изученіе и образованность. Такой фактъ, конечно, не единичный въ жизни Одоевскаго, а нѣсколько такихъ фактовъ ясно и рельефно обрисовываютъ его дѣятельность въ указанномъ нами отношеніи.

Общественная дѣятельность покойнаго также въ высшей степени симпатична. Довольно напомнить, что ему принадлежитъ мысль объ устройствѣ дѣтскихъ пріютовъ; онъ былъ учредителемъ Елизаветинской дѣтской больницы въ Петербургѣ; по его же мысли устроена «Максимилиановская лечебница»; онъ былъ членомъ многихъ благотворительныхъ обществъ. Замѣчательна также частная благотворительность кн. Одоевскаго, замѣчательна тѣмъ болѣе, что у него, кромѣ небольшого имѣнія въ Выборгской губерніи, не было никакого состоянія: средства ему доставляли служба и литература.

Князь родился въ 1803 году и скончался 65 лѣтъ, 28 февраля 1869 г. Онъ былъ женатъ на дочери тайнаго совѣтника Ланскаго, Ольгѣ Степановнѣ. Дѣтей у нихъ не было, и со смертью князя Владиміра Федоровича прекратился старинный родъ Одоевскихъ, древнѣйшая отрасль Рюрикова дома.

Заимствуемъ изъ «Московскихъ Вѣдомостей» описаніе похоронъ кн. Одоевскаго.

«По желанію покойнаго, похороны были самыя скромныя. Надъ знаменитѣйшимъ по происхожденію русскимъ челоѣкомъ не было ни балдахина, ни родовыхъ гербовъ. Но несмотря на то, что никому не было послано приглашеній и что по случаю праздничныхъ дней, въ которые газеты не выходили, не было и публичныхъ извѣщеній о его погребеніи, лучшее московское общество и многочисленныя толпы народа собрались отдать послѣднее поклоненіе усопшему. Московскій генералъ-губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ, оберъ-гофмейстеръ князь Н. И. Трубецкой, сенаторы, оберъ-прокуроры, придворныя чины, члены судебного вѣдомства, городской думы, ученые, литераторы, профессора, ученики и ученицы музыкальной консерваторіи собрались на выносъ тѣла покойнаго. Въ приходской церкви Неопалимой Купины (близъ Смоленскаго бульвара) литургію и отпѣваніе совершилъ преосвященный Леонидъ, викарій московской митрополіи, синодальные пѣвчіе пѣли обѣдно древнимъ напѣвомъ, гармонизованнымъ г. Потурловымъ при содѣйствіи покойнаго князя. Священникъ церкви Покрова въ Левшинѣ, отецъ Озеровъ, сказалъ краснорѣчивое слово, въ которомъ изобразилъ заслуги, принесенныя святой церкви, государству и обществу, просвѣщенною и многостороннею дѣятельностью почившаго.

Похоронный ходъ двинулся по Зубовскому бульвару къ Крымскому мосту. У дворца Великой Княгини Елены Павловны, въ которомъ, съ соизволенія Ея Высочества, покойный князь обыкновенно жилъ каждое лѣто, совершена была литія. По принесеніи гроба въ Донской монастырь, онъ встрѣченъ былъ архимандритомъ съ соборною братіей. Многочисленный кругъ людей близкихъ къ покойному и почитателей его талантовъ окружилъ приготовленную могилу. Гробъ опустили, и послѣдняя пѣсня: *вѣчная память*, раздалась надъ могилой.

Чистый сердцемъ, незлобивый, любвеобильный челоѣкъ отошелъ. Въ земной жизни добро онъ дѣлалъ многимъ, зла никому».

Въ заключеніе приводимъ изъ «Правительственнаго Вѣстника» послужной списокъ князя и списокъ его сочиненій.

По выпускѣ изъ благороднаго пансіона при Московскомъ университетѣ (въ послѣдствіи Дворянскій Институтъ, преобразованный окончательно въ IV-ю московскую гимназію), князь В. О. Одоевскій, съ золотой медалью и съ правомъ на чинъ X класса, по-

ступилъ въ 1826 году, 5 іюля, въ московское дворянское депутатское собраніе, и тогда же, 14 октября, опредѣленъ въ цензурный комитетъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а въ 1827 г. назначенъ секретаремъ его общаго собранія; въ 1828 г. перемѣщенъ въ Департаментъ Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій стенографическимъ, и въ томъ же году, по поступленіи означеннаго Комитета въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія, назначенъ его бібліотекаремъ, съ пожалованіемъ въ 1829 г. въ званіе камеръ-юнкера. Въ 1830 г. князь В. О. Одоевскій произведенъ въ титулярные совѣтники, а въ 1831 г. въ коллежскіе ассессоры. Въ 1833 году назначенъ былъ онъ членомъ Общаго Присутствія Департаментовъ Государственнаго Хозяйства и Публичныхъ Зданій Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, и членомъ Комиссіи для усовершенствованія пожарной части въ С.-Петербургѣ, а въ 1835 г. Комиссіи оприведеніи въ единообразіе русскихъ мѣръ и вѣсовъ. Въ 1836 г. пожалованъ въ званіе камергера; въ 1837 г. назначенъ присутствовать въ Совѣтъ Министерства Финансовъ по вопросу объ учрежденіи пароходства по Чудскому и Псковскому озерамъ и по рѣкамъ Наровъ и Эмба-ху, и тогда же сдѣланъ членомъ Редакціоннаго Комитета по изданію «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», съ опредѣленіемъ, въ 1833 г., сверхъ того, членомъ Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ, и правителемъ дѣлъ Комитета главнаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ. Въ 1840 году князь В. О. Одоевскій перемѣщенъ былъ въ званіе старшаго чиновника II-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, и затѣмъ въ 1841 г. произведенъ въ статскіе совѣтники, а въ 1845 г. въ действительные статскіе совѣтники. Учредитель Елизаветинской клинической больницы для малолѣтнихъ дѣтей (въ 1844 г.), князь В. О. Одоевскій въ 1846 г. избранъ былъ въ предсѣдателя Общества Посвѣщенія Вѣднхъ въ С.-Петербургѣ, и въ томъ же году, 12 іюля, назначенъ помощникомъ директора Императорской Публичной Библиотеки, и завѣдывающимъ Румянцовскимъ Музеумомъ, причемъ въ отсутствіи и потомъ за смертью директора, первой, д. с. с. Бутурлина, исправлялъ его должность въ 1849 и 1851 годахъ. Въ томъ же 1851 г. исправлялъ онъ и должность предсѣдателя въ Ученомъ Комитетѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ, за отсутствіемъ его предсѣдателя. Въ 1852 г. пожалованъ былъ кавалеромъ ордена св. Станислава 1-й степени, а въ 1855 г. св. Анны 1-й степени, причемъ тогда же, по закрытіи Общества Посвѣщенія Вѣднхъ, назначенъ предсѣдателемъ Временной Комиссіи для управленія Максимилиановскою лечебницей. Въ 1858 г. князь В. О. Одоевскій пожалованъ въ званіе гофмейстера Двора Его Императорскаго Величества, въ 1859 году избранъ былъ отъ С.-Петербургской Гродской Общей Думы въ члены Городоваго Депутатскаго Собранія, а въ 1860 г., за отсутствіемъ директора Императорской Публичной Библиотеки, барона М. А. Корфа, управлялъ послѣднею съ 29 апрѣля по 23 октября. Въ томъ же году ему было Высочайше повелѣно завѣдывать дѣлами Комиссіи по собиранію матеріаловъ для исторіи царствованія Государя Императора Николая Павловича. Въ 1861 г. князь В. О. Одоевскій, 13 октября, назначенъ, съ переводомъ Румянцовскаго Музеума въ Москву, присутствующимъ въ 1-мъ Отдѣленіи 6-го Департамента Правительствующаго Сената, съ увольненіемъ отъ должности завѣдывающаго этимъ музеумомъ, а въ 1862 г., 28 декабря, присутствующимъ въ 8-мъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, и затѣмъ первоприсутствующимъ въ немъ— 23 декабря 1864 года. Сверхъ изложенныхъ трудовъ по службѣ, въ 1861 году князь В. О. Одоевскій былъ членомъ Комиссіи для разсмотрѣнія составленнаго академикомъ Куперомъ проекта о введеніи въ Россію единообразнаго камертона, а въ 1865 г. членомъ Комиссіи о введеніи въ народныя училища обученія церковному пѣнію. Въ 1865 году пожалованъ кавалеромъ ордена св. Владиміра 2-й степени. Изъ иностранныхъ орденовъ, князь В. О. Одоевскій былъ кавалеромъ ордена саксенъ-веймарскаго Вѣлаго Сокола, командорской степени.

Вотъ списокъ сочиненій покойнаго князя:

1. Разговоръ о томъ, какъ опасно быть тщеславнымъ. Москва, 1821 г., in 4°.

2. Рѣчь о томъ, что всѣ знанія и науки тогда только доставляютъ намъ истинную пользу, когда онѣ соединены съ чистою нравственностію и благочестіемъ. 1822 г., in 4°.

Примѣчаніе. Обѣ эти статьи помѣщены въ «Рѣчахъ, разговорахъ и стихахъ, произнесенныхъ на публичныхъ актахъ Императорскаго Московскаго Благороднаго Пансіона» 1821 и 1822 годовъ.

3. Четыре аполога. Москва, 1824 г., in 12°.

4. Пестрыя сказки, съ краснымъ словцомъ, собранныя Иринею Модестовичемъ Гомозейкой, изданныя В. Безгласнымъ. С.-Петербургъ, 1833 г., in 12°.

5. Опытъ о музыкальномъ языкѣ, или телеграфѣ, могущемъ посредствомъ музыкальныхъ звуковъ выражать все то, что выражается словами, и служить пособіемъ для различныхъ сигналовъ на морѣ и на сухомъ пути. Спб., 1833 г., 12°, 21 стр., съ гравюрой нотнаго пѣнія.

6. Собраніе сочиненій. Спб., 1844 г., 8°, въ 3 частяхъ. Здѣсь помѣщены: въ 1-й части: Русскія ночи— 9 ночей и эпилогъ (въ томъ числѣ «Бригадиръ», «Мечтатель», «Насмѣшка Мертвеца», Городъ безъ имени», «Послѣдній квартетъ Бетховена», «Импровизаторъ и Себастьянъ Бахъ»); во 2-й части: «Домашніе разговоры» (въ томъ числѣ: Южный берегъ Финляндіи въ началѣ XVIII вѣка», «Княгиня Мими», «Княжна Зизи» и «Черная перчатка»); въ 3-й части: «Разсказы путешественника», «Отрывки изъ Пестрыхъ Сказокъ и Сильс» (въ томъ числѣ письма къ

графинѣ Е. П. Ростопчиной о привидѣніяхъ, суетѣри и проч.).

7. «Сборникъ дѣтскихъ пѣсенъ дѣдушки Ирины». Спб., 1847 г., 8°.

8. «Прошедшее въ настоящемъ». Отрывокъ изъ русскихъ ночей. Спб., 1844 г., 12°, 32 стр.

9. Отрывокъ изъ записокъ Ирины Модестовича Гомозейки-Безгласнаго. Спб., 1855 г., 24°. («Библиотека для дачъ»).

10. Воспоминаніе о 28-мъ іюля 1856 г. Спб., 1856 г., 8°.

11. Хорное пѣніе въ Исаакиевскомъ Соборѣ. 1858 г. 8°. (Изъ «Спб. Вѣд.» № 95).

12. Бесплатный классъ простаго хорового пѣнія Русскаго Музыкальнаго Общества въ Москвѣ. 1864 г. 12°. («День» № 46) 24 стр.

13. Замѣтки о пѣніи въ приходскихъ церквахъ. 1864 г. 16°. («День» № 4).

14. Русская и такъ называемая общая музыка. Москва, 1867 г. 12°. 33 стр., съ примѣчаніемъ М. П. Погодина.

15. Недовольно! Москва, 1867 г. (1-я часть Бесѣды Общества любителей Росс. Словесности). 20 стр. (посвящено И. С. Тургеневу).

16. Музыкальная грамота для не музыкантовъ. Изданіе Я. О. Орла. Москва, 1868 г. 4°. 27 стр.

17. Публичныя лекціи профессора Любимова. Москва, 1868 г. 12°. 22 стр.

18. О пѣніи въ приходскихъ церквахъ. Москва. 1868 г. 8°. 7 стр.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Придворныя извѣстія.

Въ понедѣльникъ, 10-го марта, Государь Императоръ изволилъ принимать губернаторовъ: ковскаго— въ званіи камергера, д. с. с. князя Оболенскаго, минскаго— д. с. с. Касинова и тульскаго—генералъ-маіора Шидловскаго.

Желѣзныя дороги и телеграфы.

Въ Прав. В. сообщаютъ: По линіи желѣзной дороги отъ гор. Елисаветграда въ гор. Кременчугъ, проходящей чрезъ Александровскій уѣздъ, между 10 и 15 числами января мѣсяца открыто временное движеніе отъ гор. Елисаветграда до станціи Морозовки, способствующее нынѣ быстрому перевозкѣ необходимыхъ матеріаловъ, для продолженія дальнѣйшаго устройства этой дороги къ гор. Кременчугу.

Работы по сооруженію Елисаветградско-Кременчугской линіи производятся съ большою быстротою; на рѣкѣ Ингульцѣ, отстоящей не въ далекомъ разстояніи отъ сооружаемой станціи Александрія, почти окончательно уже воздвигнутъ изысканный мостъ; а въ близкомъ будущемъ можно ожидать совершеннаго окончанія работъ по этой линіи.

— *Киевскіе* сообщаютъ, что строящийся черезъ Днѣпръ мостъ для киевско-киевской желѣзной дороги, вѣроятно, будетъ открытъ для движенія въ теченіи декабря этого года.

— *Правительственный Вѣстникъ* сообщаетъ, что за передачу денегъ по всѣмъ телеграфнымъ линіямъ въ Имперіи, въ январѣ мѣсяцѣ сего года, депешнаго сбора поступило 251,906 р.; въ январѣ прошлаго года сбора этого получено 235,484 р.; слѣдовательно, въ текущемъ году болѣе на 16,422 р., т. е. на 7 процентовъ.

Прибалтійскія губерніи.

Въ Моск. Вѣд. пишутъ изъ Нижней Курляндіи: «Нужда низшихъ классовъ нашего, особенно сельскаго населенія, достигла крайней степени; мысль о ближайшей будущности порождаетъ самыя серьезныя опасенія. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, близъ Ковенской границы, крестьяне-усадебники, за неимѣніемъ другихъ средствъ, продали послѣдній скотъ и лошадей, дабы, цѣною своего хозяйственнаго разоренія, купить кратковременное спасеніе отъ голода. О положеніи батраковъ и бобылей, составляющихъ у насъ огромное большинство крестьянскаго населенія, нечего и говорить. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ помѣщичьи батраки, не имѣя нищи, совсѣмъ перестали ходить въ мызы на работу; да въ нихъ теперь и не нуждаются и оставляютъ ихъ дома безъ наказанія за неявку къ мызной работѣ. Само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ бѣдствіями голодающаго сельскаго населенія возрастаетъ въ небывалыхъ размѣрахъ и постоянно питаемое латышами недовольство своимъ положеніемъ, т. е. положеніемъ безземельныхъ пролетаріевъ. На основаніи какого-то письменнаго сообщенія къ какимъ-то латышамъ отъ ихъ родственниковъ, находящихся на военной службѣ въ внутреннихъ губерніяхъ, или на основаніи какого-то изрѣченія одного солдата, квартирующаго у крестьянъ-латышей, ходятъ между послѣдними самыя фантастическіе слухи о благосостояніи крестьянъ въ остальныхъ частяхъ Имперіи, кромѣ балтійскаго края. Каждый, особенно простолюдинъ, склоненъ преувеличивать то, чего онъ горячо желаетъ, а нынѣшнее бѣдственное положеніе народа особенно къ тому побуждаетъ... Слѣдуя сообщенію слѣдующіе факты: мнѣ извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, что изъ имѣнія барона Штигица, Гросъ-Эззерна, готовится выслѣдъ весной во внутреннія губерніи около 400—500 душъ крестьянъ мужскаго пола. (Изъ многихъ другихъ имѣній получаютъ подобныя же извѣстія) Недавно, для вразумленія и успокоенія возмущившихся «крестьянъ-безумцевъ» прибылъ въ имѣніе Гросъ-Эззертъ изъ уѣзднаго города Г. тамошній гауптманъ. Слова его, однако, оказали на крестьянъ дѣйствіе, совсѣмъ противное тому, какое онъ желалъ произвести, ибо мѣстнымъ нѣмецкимъ властямъ крестьяне-латыши ни въ чемъ не вѣрятъ. «Коль скоро онъ (нѣмецъ, баринъ) порицаетъ наше намѣреніе искать поземельную собственность въ Россіи, то тѣмъ вѣроятнѣе, что намъ

ее тамь дадутъ. Въдѣ онъ не можетъ опровергать, что крестьянамъ въ Россіи дана Государемъ земля въ собственность — стало быть и мы тамъ получимъ ее». Такія слова, говорятъ, слышались послѣ удаленія таупмана изъ упомянутого имѣнія, — такія слова слышались и всегда послѣ длинной, порицательной рѣчи, произносимой по тому же поводу какимъ-нибудь нѣмецкимъ пасторомъ или администраторомъ передъ крестьянами, собирающимися переселиться...

— Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» напечатано: Въ эстонской газетѣ «Eesti Postimees» напечатано слѣдующее письмо пастора лютеранской церкви св. Іоанна въ Петербургѣ, Лааланда:

«Съ разныхъ сторонъ я получаю письма, въ которыхъ у меня спрашиваютъ, будутъ ли переселенцы изъ балтійскихъ губерній даны въ Россіи казенныя земли, и притомъ бесплатно. Въ «Eesti Postimees» уже напечатано мое извѣщеніе, что *правительство не дозволяетъ болѣе поселять Эстовъ на Кавказъ*; теперь сообщаютъ то, что я слышалъ здѣсь въ Петербургѣ отъ властей, именно: *что и въ другихъ губерніяхъ Имперіи балтійскимъ крестьянамъ никакихъ земель дано не будетъ*. Въ то время, когда первые толпы переселенцевъ пришли поздно осенью въ Петербургъ, то предполагалось нѣсколькимъ сотнямъ семействъ дать землю и дѣйствительно 400 переселенцевъ отправлены въ Новгородскую губернію. Но узнавъ объ этомъ, многія тысячи балтійскихъ крестьянъ начали продавать свое имущество, бросили свои арендныя усадьбы, и двинулись съ женами и дѣтьми въ Петербургъ, гдѣ и безъ того изъ нихъ съ 1-го января уже умерло 143 человека, а потому начальство опредѣлило *препроводить по этапу на родину* всѣхъ тѣхъ, которые придутъ съ намѣреніемъ поселиться гдѣ-нибудь на казенный счетъ или жить въ Петербургѣ подаемъ. На дняхъ отправлено черезъ Ригу къ мѣсту принадлежности 290 человекъ, даже такихъ, которые снабжены плакатными паспортами. Я не удивлюсь, если и 400 отправленные въ Новгородскую губернію будутъ возвращены на родину, ибо тамъ имъ никто не далъ земли. Изъ Петербурга ихъ пришлось выслать уже потому, что съ новоприбывшими ихъ вовсе негдѣ помѣстить».

— «Рижскій Вѣстникъ» сообщаетъ тотъ фактъ, что Дерптскій уѣздный судъ отказался утвердить контрактъ написанный на русскомъ языкѣ; контрактъ былъ утвержденъ волостнымъ судомъ. Рижская газета замѣчаетъ на это, что по закону въ уѣздномъ судѣ дѣла производятся только на нѣмецкомъ, или эстонскомъ и латышскомъ языкахъ; для *русского-же* языка не полагается даже переводчика. При этомъ послѣдняя газета указываетъ на нормальность такого явленія и заявляетъ о необходимости изданія закона, по которому было бы введено употребленіе русскаго языка во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ прибалтійскихъ губерній. Такое мнѣніе «Рижской» газеты нельзя не признать правильнымъ.

Городское устройство.

— Мы слышали, — пишутъ въ «Московск. Вѣдом.», — что къ первому іюля текущаго года наши губерніскіе и уѣздные города получаютъ давно ими ожидаемое новое городское положеніе, разработкой коего въ настоящее время занимается весьма старательно особая комісія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Работа эта, какъ говорятъ, по своей многосложности, требуетъ весьма усидчивыхъ занятій для выработки одного общаго положенія, приспособленнаго въ частностяхъ къ нѣкоторымъ особенностямъ нашихъ городовъ. Занятія комісіи, какъ слышно, много облегчаются тѣми, имѣющимися въ рукахъ ея проектами, которые были собраны отъ городовъ, за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ. Говорятъ, что разработка положенія въ упомянутой комісіи настолько уже подвинулась впередъ, что не далеко во время, когда проектъ городского управленія будетъ внесенъ въ государственный совѣтъ.

Пожертвованія и благотворительность.

— Въ январѣ 1869 года, кромѣ 1,124 постоянно прирѣжаемыхъ въ заведеніяхъ, благотвореніями Императорскаго человеколюбиваго общества воспользовались 2,982 неимущихъ.

На благотворенія сіи и на содержаніе заведеній употреблено 15,986 р. 65 к.

— Съ 1-го февраля по 1-е марта пожертвовано на сооруженіе часовни у Александровской станціи С.-Петербургско-Варшавской желѣзной дороги, въ память событія въ Парижѣ 25-го мая 1867 г., 2,013 р. 46³/₄ к.

— Въ пользу жителей нѣкоторыхъ губерній, пострадавшихъ отъ неурожая, въ собственную канцелярію Государыни Великой Княгини Цесаревны поступило съ 28-го февраля по 6-е марта, пожертвованій отъ разныхъ лицъ 1,422 р. 37 к., а всего, съ прежде поступившими, 1,825,064 р. 70 к.

По повелѣнію Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича симъ объявляется:

Всѣхъ пожертвованій въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая, со времени открытія на этотъ предметъ подписки по 9-е марта 1869 г., поступило: въ собственную канцелярію Государыни Великой Княгини Цесаревны 1,825,064 р. 70 к., въ бывшій московскій отдѣлъ комісіи 181,596 р. 32 к., по имѣвшемуся въ распоряженіи комісіи складу въ солонномъ городкѣ 11,084 р. 82 к., къ ярославскому губернатору 2,500 р. и въ талонахъ квитанцій разныхъ казначействъ 1,608 р. 96¹/₂ к., а всего 2,021,854 р. 80¹/₂ к.

— Крестьяне четырехъ волостей 4-го участка Бобровскаго уѣзда жертвовали 113 р. 94 к. на больныхъ и раненыхъ.

— Почетная гражданка Татьяна Щеголева пожертвовала 80 тысячъ билетами государственнаго банка, на проценты съ каковой суммы должно быть открыто въ Красноярскѣ ремесленное училище, и кромѣ того, 20 тысячъ на постройку училищнаго дома.

— Ставропольскій 2-й гильдіи купецъ, торговаго общества козакъ Андрей Пушкаревъ пожертвовалъ 30 тысячъ р. с., на воспитаніе изъ процентовъ мальчиковъ и дѣвочекъ въ Александро-Маринскомъ Замоскворѣцкомъ училищѣ въ Москвѣ.

— Изъ отчета с.-петербургскаго перваго отдѣла дамскаго комитета общества попеченія о раненыхъ и больныхъ войнахъ, съ февраля прошлаго года по февраль нынѣшняго оказывается, что членами общества пожертвовано 20 кроватей съ принадлежностями. Кромѣ того посторонними лицами пожертвовано холста для бѣлья на 766 р. 65 коп. Графъ В. Н. Панинъ пожертвовалъ 100 желѣзныхъ кроватей.

— Для составленія капитала на покупку въ г. Бѣлевѣ дома, въ которомъ жилъ покойный поэтъ В. А. Жуковский, пожертвовано по подпискѣ: по 1-е февраля 1869 года 1,667 руб. 98¹/₂ коп.

— Въ Ярославѣ, по почину бывшихъ студентовъ Демидовскаго лицея, служащихъ нынѣ въ ярославскомъ окружномъ судѣ, открыта подписка на возобновленіе памятника основателю лицея Н. Г. Демидову. Бывшіе студенты лицея приглашаются къ участію въ этомъ дѣлѣ. Сборъ пожертвованій, а также всѣ распоряженія по возобновленію памятника, возложены на гг. почетнаго московскаго учебнаго округа и ярославскаго губернатора.

— Городское харьковское общество *опредѣлило*: отчислять ежегодно изъ прибылей банка 500 рублей на *пять стипендій* для воспитанія бѣдныхъ дѣвочекъ въ Благотворительномъ обществѣ, съ тѣмъ, чтобы три стипендіи были въ честь имени его предсѣдателя, Петра Павловича Дурново, и двѣ стипендіи въ честь имени предсѣдательницы 2-го отдѣленія Общества Дарьи Александровны Беклемишевой.

— Служащіе на одесской желѣзной дорогѣ жертвовали въ пользу голодающихъ въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи 566 р. 85 к.

— Графъ Орловъ-Давыдовъ пожертвовалъ 12,000 р. сер. для содержанія изъ процентовъ одной кровати для бѣдныхъ дворянъ, въ отдѣленіи платящихъ больныхъ при здѣшней маринской больницѣ.

— Въ «Бирж. Вѣд.» пишутъ: въ газетѣ «Allgemeine Zeitung» сообщаютъ изъ Петербурга, что Государь Императоръ приказалъ 56,000 р. собранныя въ Финляндіи на сооруженіе Емю памятника, употребить на покупку сѣмянъ ярового посѣва.

— Въ «Кіевлянинѣ» пишутъ, что благодаря попеченіямъ бывшей предсѣдательницы кіевского общества для помощи бѣднымъ Л. И. Безакъ, дѣла этого общества, весьма не удовлетворительныя при ея вступленіи въ заведеніе имъ, постепенно улучшались и нынѣ находятся въ блестящемъ положеніи, какъ видно изъ слѣдующей вѣдомости:

	Приходъ.	Расходъ.
	Руб. Коп.	Руб. Коп.
Въ 1865 г. съ 25-го апрѣля	15521 30	15716 50
— 1866 »	12110 27	19322 44 ³ / ₄
— 1867 »	29568 74	22625 47 ¹ / ₂
— 1868 »	23637 71 ¹ / ₂	15311 93 ³ / ₄
— 1869 » по 16-е января	36	154
Итого . . .	80.874 2 ¹ / ₂	73.630 40

Осталось къ 16-му января отъ расхода съ 25-го апрѣля 1865 года 7. 243 руб. 61¹/₂ коп.

Къ этому остатку надо еще присовокупить 9501 р. 46 коп., оставшіеся отъ Всемилоуствѣнне пожалованныхъ изъ процентнаго сбора, а со включеніемъ 2.700 р. числящихся за купцомъ Балаховскимъ, касса общества состоитъ изъ 19.445 р. 7¹/₂ к.

— Почетные жители Дагестана пожертвовали, въ память избавленія Великаго Князя Алексѣя Александровича отъ опасности, 2400 р. съ тѣмъ, чтобы на проценты содержалось два пансіонера имени Его Высочества въ темиръ-ханъ-шурской горской школѣ.

— Городское харьковское общество, по выслушаніи отчета харьковскаго общественаго банка, рѣшило отчислить одновременно изъ прибылей банка 3,000 въ основный фондъ для учрежденія въ Харьковѣ коммерческаго училища, и ежегодно по 500 руб. на Александровскую бесплатную школу бѣдныхъ дѣвочекъ, на благотворительное общество и на дѣтскій пріютъ.

Банки.

— Денежныя обороты харьковскаго общества взаимнаго кредита простираются въ годъ, по словамъ «Харьк. Губ. Вѣдом.», за 10¹/₂ милліоновъ и оказываютъ существенное вліяніе на мѣстную производительность. Этимъ быстро увеличивающимся значеніемъ молодого учрежденія объясняется интересъ, съ какимъ публика принимаетъ извѣстія и даже слухи о состояніи дѣлъ и ходѣ кредитныхъ операцій общества. Съ 1 января 1868 года по 1 января 1869 года обществомъ всего учтено 1,995 векселей на сумму 1.079.892 р.; изъ нихъ къ 1 января 1869 года оставалось за ненаступленіемъ сроковъ 937 векселей на сумму 573,465 руб. Если принять во вниманіе сумму открытаго членамъ кредита (почти 900 тысячъ), то окажется, что гг. члены взяли меньше, чѣмъ имѣли право взять, на 325 тысячъ.

— 25-го февраля въ г. Одоевѣ тульской губерніи открытъ городской общественный банкъ.

Дворянскія и земскія собранія.

— 9-го марта, въ 10 часовъ утра, открыто губернаторомъ Губернское Собраніе дворянства С.-Петербургской губерніи, въ домѣ дворянскаго собранія, для производства выборовъ на трехлѣтіе съ 1869 г.

— 7-го марта открыто экстренное Владимірское губернское Земское Собраніе.

Выставки.

— Въ непродолжительномъ времени по словамъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», откроется въ зданіи министерства государственныхъ имуществъ (по Большой

Морской у Синяго моста) выставка разныхъ предметовъ, вывезенныхъ изъ Туркестанской области: коллекція картинъ, этюдовъ и рисунковъ В. В. Верещагина, зоологическая коллекція Н. А. Сѣверцева, минералогическая коллекція А. С. Татаринова и друг., образцы различнаго оружія, принадлежности костюма и проч.

— Въ С.-Петербургѣ имѣетъ быть выставка рогатаго скота съ 1-го по 15-е октября сего 1869 года.

Школы и бібліотеки.

— При Пронской Уѣздной Земской управѣ съ 24-го февраля открыта публичная бібліотека, составившаяся изъ книгъ, пожертвованныхъ пронскимъ помѣщикомъ Галдинскимъ.

— По словамъ газеты «Голосъ», составитель довольно распространенной *Народной Азбуки* и авторъ нѣсколькихъ книжекъ для народнаго чтенія, г. Н. Столпнянскій, имѣетъ намѣреніе открыть въ Петербургѣ вечернюю школу грамотности для взрослыхъ рабочихъ, въ которой рабочіе, отъ двадцати лѣтъ, занимаясь по вечерамъ не болѣе часу, могли бы выучиваться читать и писать, по возможности, въ короткий срокъ.

— «Вѣд. Од. Гр.» сообщаютъ, что въ засѣданіи городской общей думы, 20-го февраля, по возбужденному ходатайству гласнаго С. С. Яхненко, ассигновано добавочныхъ на народныя школы въ Одессѣ десять тысячъ руб. Такимъ образомъ въ настоящее время сумма, жертвуемая городомъ на дѣло народнаго образованія, достигла 38 тысячъ.

— Въ Калишѣ разрѣшено открыть начальное училище, для приготовленія дѣтей къ поступленію въ гимназію, съ преподаваніемъ на рускомъ языкѣ.

Погода.

— Ледъ въ рѣкѣ Аа у города Митавы тронулся 6-го марта, при небольшомъ повышеніи воды.

— Днѣпръ вскрылся на протяженіи отъ Александровскаго до моря 10-го февраля; 20-го февраля подъ Кременчугомъ; 1-го марта подъ Рогачевымъ и 2-го марта подъ Могилевомъ.

Разныя извѣстія.

— Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» пишутъ изъ Ташкента, что поиски на нефть въ коканскихъ владѣніяхъ оказались довольно удачны. Этимъ дѣломъ занялся купецъ Ѳеодоровъ, который добываетъ нефть въ 25-ти верстахъ на сѣверъ отъ города Наманчана и въ 20-ти верстахъ отъ значительныхъ залежей каменнаго угля. Г. Ѳеодоровъ предполагаетъ получать изъ нефти керасинъ.

Бывшія русскія владѣнія въ Америкѣ.

Колоши.

(изъ записокъ моряка).

Было прекрасное майское утро, солнце встало; вѣтеръ былъ тихъ, прохладенъ и медленно подвигалъ наше судно къ группѣ небольшихъ, но красивыхъ шхеръ (островковъ), за которыми скрывался Ново-Архангельскъ. Войдя въ шхеры, мы скоро увидѣли и самый городъ; тутъ глазамъ нашимъ открылась красивая панорама. Небо было покрыто разбросанными облаками; между ними пробивались солнечныя лучи и золотили, то высунувшіеся изъ воды темный камень, то маленький островокъ, съ купою ёлокъ, то часть города; порой лучи падали на снѣговыя вершины, съ ослѣпительнымъ блескомъ отражались отъ нихъ и затѣмъ, теряясь въ пространствахъ, распространяли легкій и пріятный для глаза свѣтъ; дикий и угрюмый видъ природы придавалъ особую прелесть этой картинѣ. Всѣ городскія строенія были точно собраны въ кучу и надъ ними возвышался домъ главнаго правителя, съ компанейскимъ флагомъ. Вскорѣ мы уже стояли на якорѣ передъ самымъ городомъ.

Читателю, конечно, извѣстно, что всѣ русскія владѣнія въ Америкѣ уступлены теперь американцамъ и что, стало быть, для этой страны наступилъ новый періодъ жизни. Что сдѣлаютъ тамъ американцы — покажетъ будущее; я же опишу то, что видѣлъ тамъ не болѣе какъ четыре года тому назадъ.

Все пространство отъ 50° до 60° сѣверной широты занято варварскими и дикими племенами колюшъ, причинявшими всегда не мало хлопотъ російско-американской компаніи. Съ этимъ племенемъ компанія пришлось бороться при занятіи того острова, на которомъ теперь стоитъ Ново-Архангельскъ. Главнымъ дѣятелемъ при этомъ былъ каргопольскій купецъ Барановъ, отчего и самый островъ называютъ Барановъ, или Ситха; это послѣднее названіе придается также и городу.

Первые русскіе, прибывшіе на этотъ островъ, распорядились весьма нецеремонно: вышли на берегъ и, не говоря никому дурнаго слова, построили себѣ нѣсколько жилищъ и возвели укрѣпленіе. Но сильно поплавились они за такое самоуправство. Въ одну ночь на нихъ напали колоши и перерѣзали почти всѣхъ. Понятно, что русскіе не оставили этого дѣла и снова явились на Ситху подъ предводительствомъ Баранова. Въ выстроенной ими крѣ-

пости, между тѣмъ, за-
сѣли дикари, въ огром-
номъ числѣ, и съ ними
справиться было нелег-
ко. Колошамъ сперва
предложили мировую; тѣ
отказались: поднялась
драка и только черезъ
недѣлю удалось прогнать
туземцевъ. Много было
ранено и убито съ обѣ-
ихъ сторонъ; самъ Ба-
рановъ былъ раненъ въ
руку. Однако онъ, не
теряя времени, сталъ
строиться за-ново и съ
тѣхъ поръ колоши бо-
лѣе не раззорили этого
поселенія. Это было въ
1804 году, и къ этому
году относится основа-
ніе Ново-Архангельска.

Ситха вовсе не городъ,
а скорѣе село и даже
плохое село; по всему
видно, что здѣсь больше
заботились о барышахъ,
чѣмъ о цивилизаціи края.
Есть тутъ православная
и даже лютеранская цер-
кви, клубъ съ кривымъ
бильярдомъ, бібліотека,
преимущественно ино-
странныхъ книгъ, школы
для мальчиковъ и дѣвочекъ и тому подобное; но
вѣдь клубы, бібліотеки и даже школы, все это
для цивилизованнаго люда, что же остается на до-
лю дикихъ туземцевъ? — небольшія пушки, вы-
глядывающія изъ-за деревянной городской стѣны,

Колоши.

у него больше одѣялъ, тѣмъ онъ считается богаче;
одѣяло носятъ на голомъ тѣлѣ и такъ ходятъ зи-
мой и лѣтомъ. Кромѣ этого, у нихъ есть другіе
костюмы, имѣющіе специальное назначеніе, какъ на-
примѣръ, для войны и охоты; одежды эти приго-

имѣется въ Ситхѣ особая церковь; но эта перемѣ-
на вѣры, какъ полагаютъ, есть не столько дѣло
убѣжденія, сколько, въ большей части случаевъ,
расчетъ — получить серебряный крестикъ и полот-
няную рубаху, которыя выдаются при крещеніи.

Колошская деревня.

и пища духовная. Впрочемъ, не легко совладать съ
колошами и надо отдать справедливость, что влія-
ніе русскихъ не прошло безслѣдно для тузем-
цевъ.

Колоши, по большей части, любятъ селиться около
воды; жилища ихъ, такъ называемыя бараборы,
стоятъ въ одной прямой линіи и наружностью своей
напоминаютъ собачью будку, только въ гораздо боль-
шемъ размѣрѣ. Любимая одежда колоша обыкно-
венное шерстяное, иногда байковое одѣяло; чѣмъ

товляются изъ шкуръ различныхъ животныхъ и
верхняя изъ нихъ такъ тверда, что не пробьешь
стрѣлою.

Женщины носятъ тоже одѣяла, прибавляя къ
этому серебряныя украшенія: браслеты, серьги и т.
п. Лѣтомъ, чтобъ комары и мухи не кусали лица,
мужчины и женщины вымазываютъ лица черной
краской; по этому черному полю наляпываютъ иногда
пятна красной краской. Краски эти не вредны для
кожи; ихъ всегда можно смыть; онѣ есть ничто

Они хорошіе стрѣлки и почти у каждого есть
ружье. Ружья стараго устройства, по преимуществу
кремневые. Порохъ и огнестрѣльное оружіе, а также
сахаръ, одѣяла, ромъ и другія обольстительныя,
для колоша, вещи, получаютъ отъ иностранцевъ,
которые, плавая у дѣшнихъ береговъ, мѣняють
все это у дикихъ на шкуры пушныхъ звѣрей. Та-
кая мѣновая торговля отнимала нѣкоторый до-
ходъ у російско-американской компаніи, но про-
тивъ этого трудно было предпринимать какія либо

Открытие сессии конституционных кортесовъ въ Мадридѣ 31 Января (11 Февраля).

мѣры — это было неизбежное зло, какъ контрабанда.

Колоши живутъ въ постоянной враждѣ со своими сосѣдями стохинцами; не рѣдко, собравшись большою толпою, отправляются они на байдарахъ *) къ своимъ врагамъ. Приплывъ туда, они сплавиваютъ всѣ байдары, образуя такимъ образомъ какъ бы одинъ громадный плотъ, на которомъ поднимаются вверхъ по рѣкѣ, неожиданно нападаютъ на селенія стохинцевъ и грабятъ ихъ немилосердно.

Русскихъ они въ послѣднее время не трогали; ихъ удерживалъ страхъ мести съ нашей стороны, къ тому же и мнѣніе Баранова должно быть еще свѣжо въ ихъ памяти.

Обижая стохинцевъ, колоши ссорятся и между собою, при чемъ происходятъ жестокия нападенія одного племени на другое. Личныя ссоры ихъ почти

всегда кончаются трагически. Стоитъ только двумъ изъ нихъ повздорить, какъ сейчасъ же на каждую сторону являются защитники, поднимается брань, мужчины хватаются за ружья и весьма не рѣдко нѣсколько человѣкъ убиваютъ. Личнаго оскорбленія колоши никогда не забываютъ; онъ долго слѣдитъ за обидчикомъ, прячется гдѣ нибудь за угломъ или камнемъ и, при первомъ удобномъ случаѣ, убиваетъ его изъ ружья, какъ собаку.

Ружье колошу служитъ сколько противъ враговъ, столько же и для охоты. Они охотятся за лѣсной дичью и дикими козами, но рѣдко пользуются своей добычей, стараясь, по возможности, продавать ее иностранцамъ; сами же ѣдятъ сушеную рыбу.

Теперь я попрошу читателя сдѣлать со мной нѣсколько прогулокъ вовнутрь страны; нашимъ проводникомъ будетъ русскій мѣщанинъ, жившій въ Ситхѣ и знающій колошскій языкъ.

Черезъ полъ часа по выходѣ изъ города, я и мой спутникъ, мы увидѣли колошинское селеніе и прежде

всего, обоняніе наше было поражено какимъ-то весьма неблагоприятнымъ запахомъ. Только подойдя къ самому селенію, я узналъ, что вонь эта происходила отъ большого количества развѣшенной и разложенной для сушенія по берегу рыбы. Направляясь вдоль бараборъ, я увидѣлъ на одной изъ нихъ русскій флагъ — оказалось, что это жилище старшины, или тоёна; онъ православнаго исповѣданія и, какъ кажется, оставилъ свою прежнюю вѣру изъ тѣхъ же корыстныхъ видовъ, о которыхъ я говорилъ выше.

Такъ какъ селеніе, въ которомъ мы находились, состояло изъ туземцевъ болѣе мирнаго свойства, то я и пожелалъ осмотрѣть внутренность одной изъ бараборъ. Дверь, чрезъ которую насъ туда ввели, была такъ мала, что я принужденъ былъ вползти въ жилище на четверенькахъ; въ бараборѣ сидѣло цѣлое семейство колошъ. Казалось, ихъ удивило появленіе иностранца; мужчины повскакали даже со своихъ мѣсть, но съ нами былъ тоёна; онъ пробормоталъ нѣсколько словъ на непонятномъ мѣ

*) Длинные и узкія лодки, въ родѣ алеутскихъ, съ острымъ носомъ и кормой, и обшитыя тюленьей кожей.

языкъ и они тотчас же перестали, почти совсѣмъ, обращать на меня вниманіе.

Внутренность барабры состоитъ изъ одной высокой и просторной комнаты, у стѣнъ которой расположены небольшія отдѣленія для домашней утвари и сна; оконъ вовсе нѣтъ, а есть одно отверстіе въ крышѣ, чрезъ которое проникаетъ дневной свѣтъ; въ эту же дыру выходилъ дымъ отъ очага или костра, служащаго плитой и печкой; колоши сидѣли вокругъ огня и, кажется, были погружены въ семейную бесѣду, прерванную моимъ приходомъ. На первомъ планѣ сидѣлъ маститый старецъ, закутанный въ байковое одѣяло, одѣтое, какъ всегда, на голое тѣло и хладнокровно пошевеливалъ палочкой горящія въ кострѣ уголья—это, какъ мнѣ сказали, былъ глава семейства. Неподалеку отъ него сидѣла безобразная старуха, тоже въ одѣялѣ; на рукахъ она держала своего внука; наружнѣе знакомъ ей проматеринскаго достоинства служило оттопыренная нижняя губа, за которой, нарочно для этой цѣли, вставлена деревянная штучка, въ видѣ двухъ маленькихъ корытъ, соединенныхъ широкими основаніями вмѣстѣ; оттого, губа эта, будучи весьма рѣдко смачиваема слюной, сохнетъ и трескается. Бабушка серьезно занималась отыскиваніемъ чего то въ головѣ своего внука и когда поиски ея вознаграждались успѣхомъ, то она, съ поразительнымъ хладнокровіемъ, отправляла пойманное насѣкомое за свою оттопыренную губу. Я съ отвращеніемъ отвернулся отъ такого безобразія и увидѣлъ другую женщину, среднихъ лѣтъ, очень похожую на старуху—то была ея замужняя дочь. Дочка отличалась отъ матери костюмомъ; на ней была надѣта ситцевая блуза *); нижняя ея губа была тоже оттопырена, но значительно меньше, потому что за ней лежала только пластинка изъ кости. Оттопыренная губа означаетъ вообще замужнюю женщину. Кругъ заключался еще нѣсколькими мужчинами, одѣтыми тоже въ одѣяла, съ лицами вымазанными черною краскою.

Спутникъ мой объявилъ, что не задолго до нашего прихода въ описанное нами селеніе, нѣсколько человѣкъ туземцевъ отправились ловить бобра, замѣченнаго въ близлежащей рѣкѣ. Меня это сильно заняло и, поспѣшивъ выбраться изъ барабры, мы направились къ мѣсту ловли. У берега рѣки мы увидѣли жилище бобра, которое называется тоже бараборою и имѣетъ видъ, какъ бы, половинки жолудя; дыра для входа въ эту барабору лежитъ подъ водой. Противъ этого отверстія была опущена сѣтъ, но, по тщательномъ осмотрѣ, оказалось, что у самаго основанія барабры находилась отдушнина или проходъ, ведущій подъ землею на берегъ, гдѣ тотчасъ же устроили ловушку. Всѣ эти приготовления производились какъ можно тише. Затѣмъ, начали кричать, бросать въ барабору камни, палки, что подъ руку попало, и слышно было, какъ испуганный бобръ заметался въ своемъ домикѣ; чрезъ нѣсколько времени все смолкло и вдругъ захлопнулась ловушка. Съ радостію бросились къ ней всѣ, вооруженные дубинами и что же? въ ловушкѣ оказался кусокъ дерева, а бобръ исчезъ изъ барабры. Бобръ бываетъ порой настолько догадливъ, что употребляетъ описанную хитрость, а когда ловушка захлопнется—преспокойно перелезаетъ черезъ нее. Оставалось теперь подкараулить бобра, если онъ вздумаетъ показаться изъ норы, на что, по видимому и рѣшились охотники, но я съ моимъ спутникомъ, видя что солнце уже заходитъ, поспѣшили возвратиться въ городъ.

(Окончаніе будетъ).

Открытіе конституціонныхъ кортесовъ въ Мадритѣ.

Открытіе въ Мадритѣ конституціонныхъ кортесовъ происходило 31-го января (12-го февраля) съ великимъ торжествомъ. Все населеніе желало участвовать въ этомъ торжествѣ и съ ранняго утра трибуны конгресса, даже самая зала засѣданій были переполнены толпою. На улицахъ, на балконахъ домовъ народу было множество.

Все прошло въ совершенномъ порядкѣ; только на площади Конгресса произошла суматоха, по случаю двухъ трехъ выстрѣловъ, произведенныхъ, вѣроятно, подкупленными реакціонерами людьми. При этомъ, нѣкоторые милиціонеры оказали примѣръ чрезвычайной трусости; они побросали оружіе и съ крикомъ пустились бѣжать, произведя тревогу по дорогѣ. Былъ схваченъ неизвѣстный человѣкъ,

* Костюмъ, встрѣчаемый только лишь въ этомъ селеніи, какъ расположенномъ у самой Ситхи.

у котораго подъ плащомъ оказался заряженный пистолетъ; народъ чуть не разорвалъ его на части; чрезъ силу удалось свести его въ тюрьму.

Около зданія конгресса, войска гарнизона и волонтеры «свободы» стояли въ строю; они же стояли вдоль Прадо. Болѣе 50 тысячъ человѣкъ стояло до 6 часовъ подъ ружьемъ. Въ 2 часа ровно, члены временнаго правительства отправились изъ своего дворца въ конгрессъ; ихъ сопровождали члены муниципалитета и депутаціи изъ провинцій.

При входѣ въ залу ихъ приветствовали продолжительными рукоплесканіями. Вслѣдъ затѣмъ, маршалъ Серрано вошелъ на трибуну и открылъ засѣданіе длинной рѣчью, замѣчательною по своей безпартіальности. Послѣ рѣчи, кричали «вивать» націи, народному верховенству, временному правительству. Крики меньшинства «да здравствуетъ республика» были заглушены криками большинства «да здравствуетъ демократическая монархія!» При этомъ маршалъ Серрано съ большимъ тактомъ замѣтилъ, что въ настоящемъ случаѣ только одинъ крикъ долженъ быть слышенъ: «да здравствуетъ верховенство конституціонныхъ кортесовъ».

Послѣ развода войскъ и милиціи, былъ пропѣтъ «Те Деумъ» въ базиликѣ Атохской Богоматери. Члены правительства присутствовали при этомъ молебствіи.

* Изъ записокъ Кавказскаго офицера *.

(Окончаніе).

II.

Петровское.—Взглядъ на общественную его жизнь.—Семейство Д*.—Скука начинаетъ брать верхъ.—Повѣдка въ Тарху.—Знакомство съ Ибрагимъ-Бекомъ.—Каферъ-Кумыкъ.—Темиръ-Ханъ-Шура.—Случай на Ишкартинской дорогѣ научаетъ меня быть осторожнымъ.

— Такъ вотъ оно, Петровское! — произнесъ я въѣхавъ на полугоріе и окидывая глазами открывшуюся передо мною панораму. На лѣво, на полугорѣ;—крѣпость; стѣны ея выведены изъ желтаго плитняка; по угламъ фланкирующія башни. Въ 200 саженьяхъ, по косогору, лѣнятся не большіе, но чистенькіе домики, то съ плоскими земляными, то съ тесовыми крышами. Нѣсколько улицъ раздѣляютъ ихъ. Берегъ, обдѣланный плитняковою набережною, красиво обрамленъ пакгаузами, лавками, магазинами; толпа суетъ взадъ и впередъ. Вотъ и рельсовый путь по берегу, для подвоза тяжестей къ молу, далеко выдающемуся въ море, потомъ и самое море съ его бирюзово-голубоватою далью.

Какъ жаль, что зелени мало, думалъ я, слѣдуя за солдатикомъ, взявшимъ на себя трудъ указать мнѣ квартиру моего товарища М.

— И отчего, голубчикъ, не садятъ у васъ деревьевъ? спросилъ я моего проводника.

— Да не растутъ, ваше благородіе: все камень да песокъ, а какъ пойдетъ дуть вѣтеръ, иногда по цѣлымъ недѣлямъ, такъ и человѣку-то трудно бываетъ. То крышу сорветъ, то сарайчикъ повалитъ; отъ пыли, ажъ темно.

Черезъ нѣсколько минутъ, я очутился почти на берегу моря, у небольшого домика въ три оконца; сквозь занавѣски свѣтился огонекъ и мелькали какія-то тѣни.

— А, наконецъ-то! закричалъ М., бросаясь ко мнѣ въ объятія.—Что такъ толго? А я уже сомнѣвался, что ты и пріѣдешь. Дмитрій, тащи вещи въ комнату, а ты раздѣвайся да садись къ столу, будемъ чаевать. Да вотъ, рекомендую тебѣ: нашъ сослуживецъ В., весельчакъ, душа наша, продолжалъ М., представляя меня своему собесѣднику.

Начались разспросы и рассказы, такъ что въ короткое время, я узналъ подноготную Петровскаго, узналъ, что во главѣ общества стоитъ семейство Д., во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненное, что хорошенькая Людмила чаруетъ всѣхъ и умомъ и красотою,—что Ш. и очень хороша собой, и пикантна, что за ней ухаживаетъ начальство и потому слѣдуетъ быть осторожнымъ, чтобы не дать повода къ ревности, что...

Въ эту минуту за окномъ послышался какой-то шорохъ и что-то въ родѣ сдержаннаго смѣха. Услышавъ это, В*, какъ бѣшенный, кинулся изъ комнаты.

— Прасковья Ивановна, душечка на одно слово! кричалъ В. вслѣдъ убѣгающимъ.

— Не васъ хотѣли видѣть, а пріѣзжаго, — отвѣчалъ нѣжный голосокъ въ отвѣтъ на крики и зовы В.

Явившись на другой день по начальству и по-

знакомившись со всѣми сослуживцами, тихо зажилъ въ Петровскомъ. Подымаясь очень рано и не скоро одѣвшись, я обыкновенно бѣжалъ на берегъ, чтобы полюбоваться, какъ изъ за горизонта моря выплывало солнышко, потомъ позавтракавъ шелъ на службу, въ 3 часа былъ у командира, гдѣ собиравались всѣ мы товарищи по мундиру для обѣда а вечеромъ большею частью просиживалъ дома, читалъ или рисовалъ.

Изъ всѣхъ семействъ, съ которыми я познакомился ближе, семейство Д. по справедливости было лучшимъ и самымъ гостепріимнымъ и я не могу забыть тѣхъ дивныхъ вечеровъ, которые проведъ у нихъ. Они умѣли привлекать къ себѣ всѣхъ, были, что называется душою общества. Вечера съ танцами, кавалькады, прогулки по морю, будь онъ затѣянъ Д*, всегда удавались, какъ нельзя лучше. Сама генеральша, да и дочь ея Людмила, за чайнымъ столомъ своимъ умѣли примирять всѣ партіи, есліи такія образовывались. Вечера пробѣгали незамѣтно въ играхъ, танцахъ или чтеніяхъ; всякій чувствовалъ себя, какъ дома, а уходя, съ нетерпѣніемъ ожидалъ того дня, когда придется опять собраться у Д. Чай, небольшой десертъ, закуска, составлялъ все угощеніе. Пышность въ нарядахъ положительна была изгнана и многіе мужья благословляли за это Д.

Однако не смотря на вечера и кавалькады, жизнь въ укрѣпленіи начинала прискучать мнѣ. Мнѣ хотѣлось испытать что либо особенное, сблизиться на примѣръ съ горцами. Эта мысль не оставляла меня ни на минуту.

Однажды нѣсколько товарищей моихъ задумали сѣздить въ Бурную, развалины которой видны были изъ Петровскаго поверхъ Тарху. Къ нимъ примазался и я, и черезъ часъ были уже на мѣстѣ. Осмотрѣвъ груды камней и напившись живительной воды, поившей когда-то защитниковъ крѣпости во время блокады ея въ тридцатыхъ годахъ возмущившимися горцами, мы спустились въ Тарху, прежнюю столицу Шамхаловъ Тарковскихъ. Этотъ, бѣдный теперь, аулъ въ древности назывался Семендеромъ и принадлежалъ хозарамъ, «Золотые беки» которыхъ пользуясь укрѣпленною позиціей, постоянно въ немъ жили и вели непрерывныя войны съ дербентскими Аравитянами.

До 1855 года въ немъ жила знаменитая Сюлтана, мать Шамхала. Она жила тихо, Шамхалъ изрѣдка навѣщалъ мать и всегда, бывая въ Тарху, садился на камень, освященный временемъ, и выслушивалъ просьбы и жалобы своихъ подданныхъ. Камень этотъ издавна былъ мѣстомъ сѣдальца всѣмъ властителямъ Тарху во время суда и пережила многое. Жители чтутъ его и проходя мимо прикладываютъ ладони къ груди.

Въ Тарху, я познакомился съ Ибрагимъ Бекомъ, самымъ богатымъ изъ всѣхъ жителей и имѣющимъ лавки въ Петровскомъ, въ Шурѣ и Ишкартахъ. Незамѣтно подружился я съ нимъ и однажды, когда жоска до нельзя одолѣла меня, я воспользовался случаемъ и отправился съ Ибрагимомъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Благополучно миновавъ Кумъ-Теръ Кале, ушелье по дорогѣ и самое удобное мѣсто для воровъ, мы издали еще увидѣли грандіозный Каферъ-Кумыкъ, мѣстожилище Шамхала. Представте себѣ высокую скалу, возвышающуюся на плоскости и обрамленную внизу садами; грандіозный силуэтъ ея со всѣми постройками рѣзко обрисовывается на свѣтломъ горизонтѣ неба и невольно обращаетъ вниманіе каждаго. Черезъ полчаса мы въѣхали въ ворота Темиръ-Ханъ-Шуры и я протискиваясь съ Ибрагимомъ, прямо пробѣжалъ къ Б-му, доброму моему знакомому. Шура, одна изъ сильнѣйшихъ мѣстныхъ крѣпостей, есть главный пунктъ, въ которомъ сосредоточено все управленіе краемъ, какъ военною, такъ и гражданскою частію. Правильная жизнь, хорошее общество, бульвары, великолѣпно устроенные фонтаны съ прекрасною водою, освѣжающіе воздухъ,—вотъ краткая характеристика Шуры. Кто изъ посѣщавшихъ ее не помнитъ дома командующаго войсками, кому не дорогъ по воспоминаніямъ клубъ и его затѣи? Я не долго жилъ въ Шурѣ, но не могу не сознаться, что она во многомъ перещеголяла Петровское. Былъ я и послѣ въ ней, но съ окончаніемъ войны все измѣнилось, исчезло то кавказское гостепріимство и та свобода въ обращеніи, которая и отличала жизнь кавказца. Кончилась война и унесла многое безвозвратно. Явились партіи, общество раздѣлилось, стало чуждаться другъ друга и напоминать басню Лебедь, Щука и Ракъ. Отошли въ вѣчность многія

бессмертных имен, имена Аргутинского, Кишинского и других, а с ними отошло и многое.

Однажды Б-ий, у которого я поселился в Шу-рф, предложил мне прогулку в Ишкарты, штаб-го полка. Одевшись в горские костюмы, мы отправились послѣ полудня. Поохотившись не много на равнинах и набивъ переметные сумки кой какой мелочью, мы незамѣтно втянулись въ горы. На лѣво шибла Кара-Койсу, свергавшійся бышено съ камня на камень, возвышались отроги Салатавскихъ и Андійскихъ горъ, поверхъ которыхъ видѣлась лента главного хребта, убитеннаго вѣчными снѣгами.

Солнце уже скрылось, пахнулъ свѣжій вѣтерокъ въ лицо, начинало темнѣть, а до Ишкартовъ оставалось еще верстѣ 10.

Раздумье взяло насъ, куда вѣхать, а рѣшиться было пора, такъ какъ въ горахъ сумерекъ не бываетъ и день живо смѣняется ночью. Зная, что до Шуры хотя и дальше, но безопаснѣе, товарищъ мой предложилъ воротиться назадъ. Будь я не юноша, предложеніе было бы принято и мы живо поскакали бы назадъ, но желаніе встрѣчи съ горами было такъ сильно, что я отвергнулъ доброе слово и не смотря ни на какіе доводы рѣшился остаться одинъ.

Давъ полную свободу своей лошади, я, едва товарищъ мой скрылся изъ виду, утѣся насъ обрывомъ и сталъ мало по малу вспоминать все прошлое, отца, родныхъ и знакомыхъ, ихъ ласки и прощаніе со мной. Ну, не безуміе ли съ моей стороны было остаться одному въ горахъ? думалъ я заворачиваясь въ бурку и рѣшаясь заснуть, чтобы какъ нибудь сократить время ночи. Вотъ какъ взойдетъ луна, я поѣду въ Ишкарты, лошадь добрая и живо домчитъ меня.

Долго ворочался я, поглядывая на лошадь, и слушая вой шакаловъ и ревъ низвергающагося потока; наконецъ, утомленный, заснулъ. Не могу сказать долго ли спалъ, но когда я былъ разбуженъ, то заря начинала уже загораться на вершинахъ горъ. Проснулся я обыкновеннымъ образомъ, я встудалъ бы коня и поѣхалъ, но въ томъ то и дѣло, что я не самъ проснулся, но меня разбудилъ довольно сильный толчокъ.

Вскочить и выхватить изъ чехла винтовку было дѣломъ одной секунды, а лошадь, которая разбудила меня, съ беспокойствомъ глядѣла передъ собой и храпѣла. Взглянувъ по направленію ея глазъ, я увидѣлъ передъ собой горца, въ 60 шагахъ, не болѣе; винтовка его была взведена и дуло ей прямо глядѣло въ меня. Сдѣлавъ тоже, я готовился уже спустить курокъ, какъ къ счастью вспомнилъ обычай лезгинъ, никогда не стрѣлять первому при встрѣчѣ съ врагомъ и рѣшился выжидать. Полчаса цѣлились мы другъ въ друга, а что въ душѣ творилось, то пусть воображаетъ каждый, поставивъ себя на мое мѣсто. Я видѣлъ, что сдѣлать страшную глупость, я чувствовалъ, что героемъ не быть мнѣ и заранѣе клаясь быть осторожнѣе, если судьба угодно будетъ сохранить мою жизнь. Наконецъ противникъ мой не выдержалъ, опустилъ винтовку и, закричавъ привѣтствіе, сталъ подходить ко мнѣ.

Вообразите же, кого узналъ я въ горцѣ? Ибрагимъ-Бека, моего кунака.

— Счастливъ же ты, имѣя такую лошадь, говорилъ Ибрагимъ, чуть не плача; вѣдь я убилъ бы тебя и убилъ бы невольно. Ты знаешь, что я ѣздилъ въ Ишкарты повѣрять свою лавку и не забывая, что воровестники ищутъ меня уже 10 лѣтъ, принявъ тебя за подстерегающаго меня врага. Великъ Аллахъ, да будетъ имя Его благословенно! Я радъ, что онъ спасъ тебя. Однако ѣдемъ въ Шуру, пора, а то жарко будетъ.

Къ 10 часамъ мы были уже въ Шурѣ и входили въ квартиру В-го. Представьте же себѣ, что встрѣтилъ я? Я нашелъ В-го раненымъ, въ него стрѣляли, и же остался цѣлъ. Ну, не справедливо ли думаютъ Мохамедане вѣра, что существуетъ предопредѣленіе и зная что чему суждено быть, того не миновать? Я испыталъ это на себѣ и съ тѣхъ поръ сталъ отчасти фаталистомъ.

А. Нисченковъ.

Зданіе петербургскаго Эрмитажа.

Надѣясь знакомить читателей нашихъ съ сокровищами эрмитажа, мы представляемъ наружный видъ этого замѣчательнаго зданія и внутренность одной изъ залъ. Въ 1839 году, Императору Николаю I угодно было соединить въ одномъ зданіи всѣ рѣдкія картины, разбѣжавшіяся до тѣхъ поръ въ двухъ совершенно отдѣльныхъ. Составленіе

плана поручено было мюнхенскому архитектору Кленце, изъ вѣстность котораго въ тѣ дни, благодаря инициативѣ короля Людвига I, переродившей Мюнхенъ, была въ полномъ развитіи. Планъ былъ составленъ; въ 1840 году начаты работы, подъ руководствомъ Ефимова; въ 1850 они кончены, а въ 1852 эрмитажъ открытъ.

Бастенъ въ своемъ «Guide en Russie» отзывается о характерѣ зданія съ невыгодной стороны. Онъ говоритъ, что Кленце совершенно напрасно далъ эрмитажу греческій обликъ; греческій стиль и его тонкія, изящныя профили, не подходятъ, по мнѣнію Бастена, къ характеру стиля Зимняго дворца, въ непосредственномъ сосѣдствѣ котораго находится эрмитажъ. Бастенъ упрекаетъ Кленце въ томъ, что въ эрмитажѣ погрѣшилъ онъ точно также, какъ и въ мюнхенской Пинакотекѣ, и отдалъ предпочтеніе линіямъ горизонтальнымъ надъ вертикальными, преобладанію длинны надъ вышиною. Оба упрека весьма важны и заслуживаютъ самаго положительнаго опроверженія.

Если о первомъ, т. е. о контрастѣ съ Зимнимъ дворцомъ, еще можно спорить, еще можно, пожалуй, согласиться съ Бастеномъ въ томъ, что формы «барокко» отличающія дворецъ, тяжеловѣсны, то едвали можно уступить ему въ главномъ и считать существующій контрастъ за погрѣбность. Ничто не можетъ быть такъ невыгодно для наружности города, какъ однообразіе и казарменная солидарность построекъ. Но о вкусахъ не спорить; мы не споримъ съ Бастеномъ и переходимъ къ положительному опроверженію его втораго довода. Здѣсь дѣло идетъ не о вкусѣ, а о чемъ-то болѣе положительномъ. Бастенъ упрекаетъ Кленце въ предпочтеніи, данномъ длинѣ надъ шириною. Но вѣдь это-то и составляло отличительную черту древнегреческаго стиля. Всѣ зданія Акрополиса, Тезеймона, всѣ храмы грековъ раскинуты не берегамъ средиземнаго моря отъ Селинунта до Пестума, сохраняютъ эту особенность. Рѣсть памятниковъ въ вышину, какъ напримеръ, въ Мавзолеѣ Артемиды, въ монументѣ Ксантоса, составляютъ исключеніе изъ общаго правила. Греческое искусство не признавало даже отдѣльно стоящихъ колонъ. Эту новость увеличенія высоты въ ущербъ длинѣ надо оставить за римскою архитектурою. Римляне, положительнѣе лишенные эстетическаго чутья, хотѣли только поражать громадностью, богатствомъ своихъ зданій, и тонкое изящество греческаго стиля мало по малу исчезло. Какъ только Кленце рѣшился строить эрмитажъ въ стилѣ греческомъ, вопросъ о преобладаніи длинны надъ высотой былъ предрѣшенъ, и упрекать его въ этомъ, значить дѣлать грубую, весьма грубую ошибку.

Мѣсто не позволяеть намъ говорить подробно о деталяхъ зданія, о той мысли, которую имѣлъ архитекторъ въ выборѣ статуй, красующихся на свободныхъ кронштейнахъ, о томъ, что выборъ этотъ, долженствовавшій воплотить исторію искусства въ лицахъ, могъ бы быть удачливъ; мы замѣтимъ только кое-что о самомъ портикѣ, украшенномъ громадными теламонами изъ сердобольскаго мрамора, работы Теребенникова. Если гдѣ-нибудь Кленце сдѣлалъ ошибку, такъ это въ портикѣ. Мы позволяемъ себѣ даже сдѣлать предположеніе: не былъ-ли архитекторъ принужденъ создать этотъ портикъ? Кленце слишкомъ хорошо знакомъ съ греческою архитектурою, онъ достаточно ясно показалъ это въ самомъ эрмитажѣ, въ классическомъ профилированіи фризавъ, поясовъ и пилястровъ, въ деталяхъ акротеріумовъ и флеретовъ, чтобы сдѣлать такой несообразный промахъ. Громадность теламоновъ (а не каратидъ какъ фальшиво называется ихъ Бастенъ) не имѣетъ ничего общаго съ размѣрами зданія, съ шириною улицы, съ легкостью поддерживаемаго ими навѣса. Эти мраморные тунейдцы—самые лѣнивые изъ всѣхъ ничего не дѣлающихъ людей Петербурга. Мы не знаемъ положительно былъ-ли самъ Кленце въ Петербургѣ? мы сомнѣваемся въ этомъ. Только случаемъ, только несчастнымъ случаемъ, можемъ мы объяснить существованіе этого портика съ его сѣрыми гигантами. Это единственная скорбная нота во всей вѣднѣ эрмитажа. О внутренности его поговоримъ мы въ другой разъ. С.

(Продолженіе будетъ).

Гаварни *

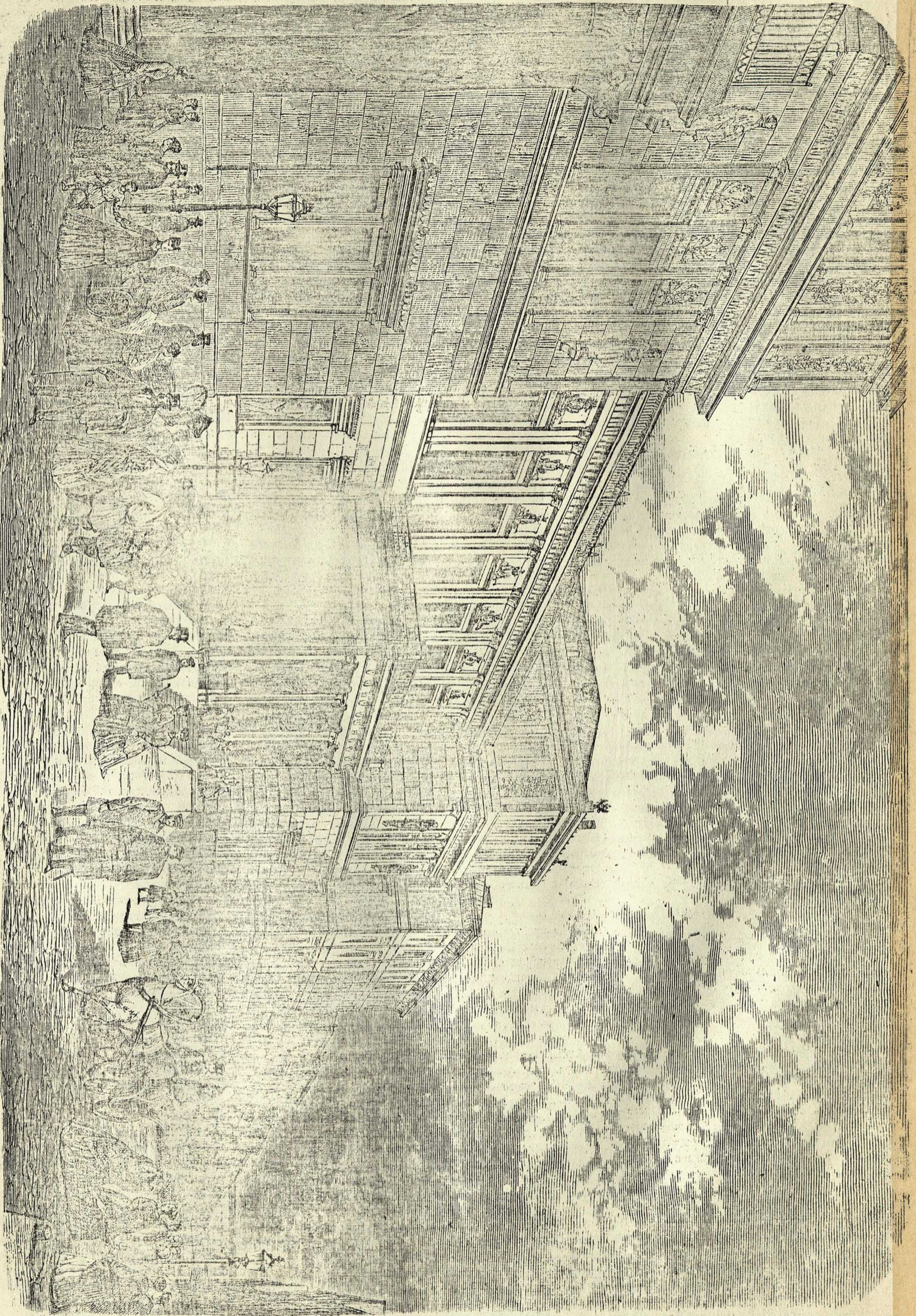
(Оканчаніе).

Кому не случалось держать въ рукахъ и проглядывать какую нибудь изъ серій Гаварни? Въ мил-

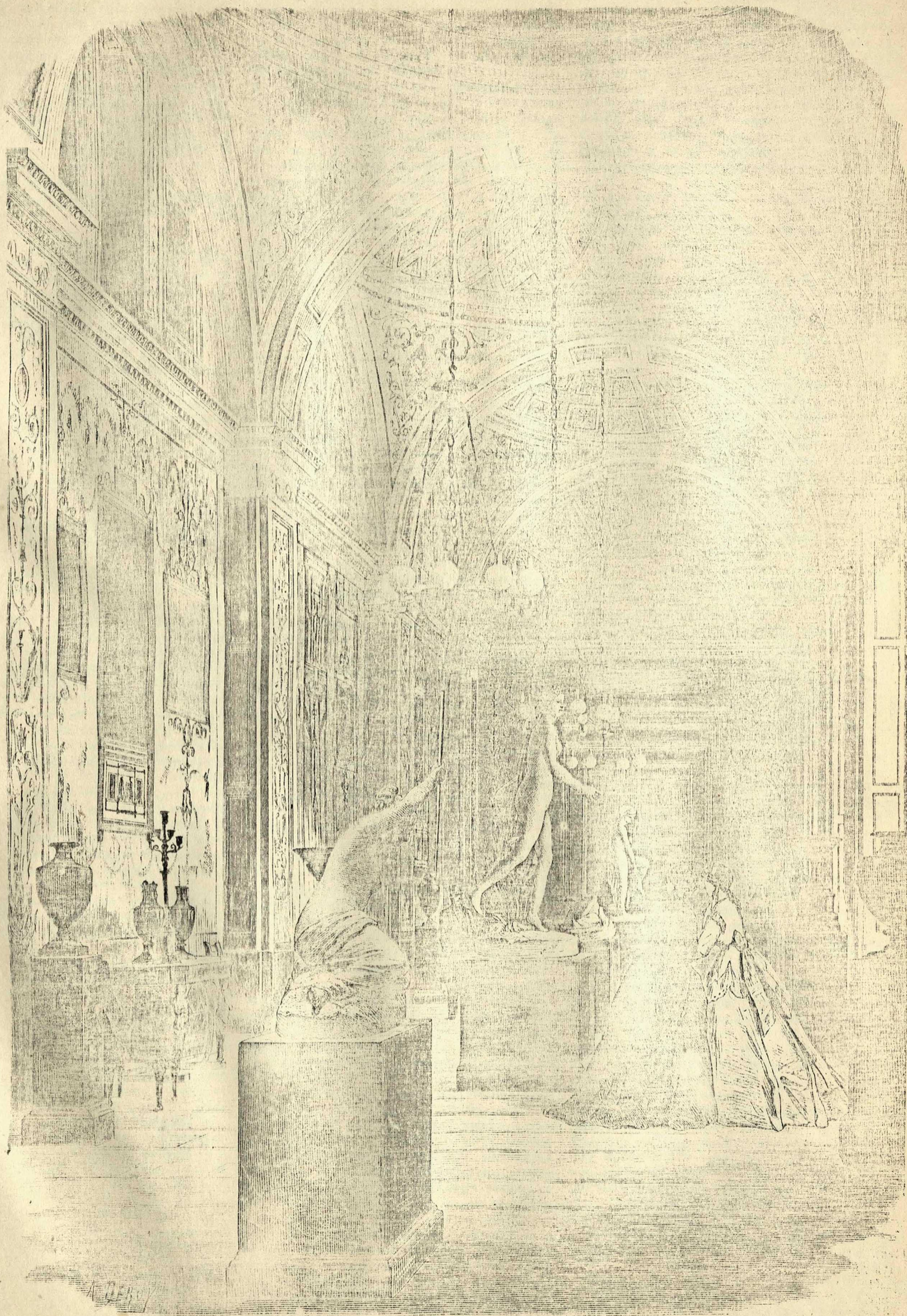
ліонахъ оттисковъ разошлись онѣ по свѣту и если присчитать къ этому отдѣльные рисунки, помѣщенные художникомъ въ «Charivari», «la Caricature», «Illustration» и пр., тогда становится яснымъ то общеобразовательное вліяніе на людей, которое оказалъ Гаварни. Глубоко честный въ основаніи, одаренный способностью подмѣчать въ людяхъ самыя сокровенныя пружины ихъ дѣятельности, онъ коснулся всѣхъ слоевъ общества, всѣхъ юридическихъ и естественныхъ подраздѣленій его. Мужья и жены, дѣти и старики, лоретки и герцогини; каторжники и адвокаты, солдаты и вѣтошники—всѣ они проходили въ серіяхъ одинъ за другимъ какъ полки Наполеона въ «Воздушномъ кораблѣ» Лермонтова. Мы, русскіе, не можемъ, конечно, понять всей силы рисунка Гаварни и его этического значенія. Какъ-бы долго ни оставались мы въ Парижѣ, какъ-бы тщательно ни отдавались наблюденію за его жизнью въ Мабилѣ и Бисетрѣ, мы все таки иностранцы и для насъ существуетъ въ Гаварни только общечеловѣческая, основная мысль его созданій. Тысячи намековъ и двусмысленностей понимавшихся и понимаемыхъ французами, остаются для насъ іероглифическою надписью, и не смотря на то, мы все таки не можемъ не любоваться и не отдавать полной справедливости челоуку создавшему ихъ.

Всѣ серіи Гаварни состоятъ изъ двухъ равнозначительныхъ и равноправныхъ частей: изъ рисунка и легенды (подписи) къ нему. Рисунокъ всегда изященъ, живъ, правиленъ; въ чертахъ лица и въ его тѣняхъ онъ совершенно законченъ; въ одеждѣ и аксессуарахъ онъ неоконченъ, онъ только набросанъ. Рисунокъ этотъ, чтобы ни изображалъ онъ, никогда не доходитъ до карикатуры, т. е. до того воплощеннаго, олицетвореннаго и узаконеннаго безобразія, которое можетъ быть допущено въ летучихъ листкахъ, но не имѣетъ права художественной гражданственности. Карикатурею онъ не былъ Гаварни нигдѣ и никогда; звать его этимъ именемъ значитъ не понимать его значенія, значить умалить его. Собственно, каррикатуристами были и будутъ: Шамъ (Cham), Домье (Daubier), и пр. братія. Другое имѣ дано призваніе, другая должна быть сдѣлана имѣ оцѣнка. Наше русское карикатурное дѣло никогда не поднималось не только до Гаварни,—но даже не можетъ быть уподоблено работамъ Шама и Домье. Наша русская карикатура, не имѣя внутренняго содержанія, всегда бросалась на личность. Коверкая черты лица и буквы фамиліи того или другаго челоука, она до сихъ поръ не можетъ понять азбуки своего дѣла. Гаварни никогда и никого не обижалъ; никогда ни въ чемъ не задѣвалъ онъ личности; даже политической карикатуры не признавалъ онъ и какъ исключеніе въ его дѣятельности можетъ быть упомянутъ рисунокъ, сдѣланный имъ на короля Карла X. Этотъ глубокой, сознанный принципъ, это обобщеніе содержанія, это честное и здравое пользованіе тѣмъ страшнымъ орудіемъ насмѣшки, которое дано было Гаварни судьбою, составляютъ одно изъ лучшихъ украшеній его дѣятельности. Онъ не опускался до памфлета, а это такъ легко; онъ не былъ циниченъ и не позволялъ себѣ быть жестокимъ, что было ему тоже возможно и тоже сподручно. Рисунки Гаварни—вѣчны; пройдетъ время, улягутся страсти, но типы созданные имъ останутся. Рисунки Шама и Домье не имѣютъ никакой жизненности: прошло время, улеглись страсти,—но типа-то не было, и трудно выразить то чувство жалости и пустоты, съ которыми глядѣшь въ 1869 году на карикатуры Шама 1848 года.

Другую важную, самобытную часть рисунковъ Гаварни составляютъ легенды его рисунковъ. Бѣдо и зло говорятъ они и говорятъ не даромъ. Гаварни, будучи живописцемъ, былъ въ тоже время и писателемъ, но вещицы писанныя имъ, стихи и повѣсточки, погибли, тогда какъ легенды останутся. Какимъ нибудь словомъ, какимъ нибудь знакомъ восклицанія умѣстно поставленнымъ, одушевлялъ онъ свой рисунокъ и, золотя пилую, давалъ ее проглатывать. Легенды эти, короткія и мѣткія, совершенно основательно породили мысль сравненія Гаварни съ Ларошфуко и даже съ Лафонтеномъ и Бальзакомъ. Многія изъ нихъ перешли въ общеразговорный языкъ и произносятся людьми, незнающими откуда почерпнули они ихъ. Здѣсь умѣстно будетъ упомянуть объ особенномъ, весьма основательномъ, приѣмѣ Гаварни, при печатаніи легенды. Не на данную легенду писалъ онъ тотъ или другой рисунокъ, а наоборотъ. Мало того: легенду помѣщалъ онъ послѣ отпечатанія рисунка. Тѣ ли-

Надгробні мист. Князя Іоанна Бранковича в С.-Петербурзі.

Галлерей исторической живописи въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

ца, что нарисованы мною, говорилъ онъ, и тѣ что вырѣзаны рѣзчикомъ и отпечатаны, не одни и тѣ же, а слѣдовательно и говорить должны они иначе». Практическое значеніе этого правила доказано на опытѣ: лица въ его серіяхъ не могутъ говорить иначе, чѣмъ говорятъ, слова сами срываются съ ихъ ртовъ, а многія ли изъ нашихъ карикатуръ могутъ похвалиться этою особенностью? Это вниманіе Гаварни къ своему дѣлу, эта добросовѣстность въ собственномъ развитіи, видна еще и въ слѣдующемъ фактѣ. Гаварни замѣтилъ, что рука его перестаетъ подчиняться его волѣ, что быстрота работъ внесла въ ея движеніе какую-то машинность, стереотипность. Нужно было помочь горю: Гаварни работалъ, отъ поры до времени, лѣвою рукою.

Къ концу 40-хъ годовъ Гаварни пользовался громадною и заслуженною извѣстностью. Въ кружкѣ близкихъ и дорогихъ ему людей проводилъ онъ назначенные вечера въ недѣлѣ. Балзакъ, Саидо, Гюламанъ, Готье, Мелльвилъ были постоянными участниками этихъ дружескихъ бесѣдъ, и однихъ только этихъ людей достаточно для того, чтобы понять сколько сарказмовъ и остротъ, сколько неподдѣльного юмора и веселости расточалось въ нихъ. Къ кружку этому, отъ поры до времени подходили и новыя личности, но въ большинствѣ случаевъ отстрадѣлись какъ элементы неоднородные. Такъ, одно время, считали они своимъ извѣстнаго Гранвиля, но угловатость его характера и эта странная, необъяснимая медленность въ пониманіи простыхъ и ясныхъ вещей, необъяснимая въ такой талантливой натурѣ какимъ былъ Гранвиль, отдаляли его отъ общества Гаварни: попытка сближенія не удалась.

Наступилъ 1847 годъ, — годъ обозначающій въ жизни Гаварни третью капитальную перемѣну въ направленіи его дѣятельности. Преступный законодатель моды и карнавала, угнетенный разработкою парижскихъ типовъ и сопряженнымъ съ этимъ однообразіемъ, ищетъ новой пищи своему наблюденію, новыхъ идеаловъ своему творчеству. Онъ думалъ удовлетворить этому влеченію отставивъ иллюстраціи въ тѣсномъ значеніи этого слова. Такимъ образомъ явились на свѣтъ его иллюстраціи къ «Вѣчному жижу», «Монте-Кристо», «Волшебнымъ сказкамъ», и друг., но эта работа, основанная не болѣе какъ на фикціи, на вдохновеніи чужимъ вдохновеніемъ, не удовлетворила Гаварни. Онъ рѣшился оставить Францію и направился въ Лондонъ.

Въ Лондонѣ, въ этомъ меркантильномъ центрѣ вселенной, гдѣ непосредственно соприкасаются грязнѣйшій развратъ и самое приторное ханжество, самая жгучая и жалкая бѣдность и самое безсовѣстное, наглое богатство, идеальные преступники и гениальнѣйшіе цивилизаторы, — здѣсь думалъ Гаварни отыскать новое поле для наблюденія и работы. Онъ не ошибся. Поселившись въ бѣднѣйшемъ кварталѣ города (Saint-Gilles), тамъ, гдѣ сгруппированы тысячи людей, для которыхъ «вѣсь солнца сѣли, вѣсь зори погасили», Гаварни принялся за усиленный и плодотворный трудъ. Какая-то незнакомая ему прежде мрачность и глубокое философское созерцаніе руководили его рукою при созданіи большинства работъ этого времени (онъ жилъ въ Англіи 4 года, съ 1847). Стоитъ назвать его серіи: «La convoitise», «La Misere et ses petits», чтобы охватить эту новую краску, внесенную жизнью въ творчество Гаварни, хотя старое направленіе наложилось о себѣ въ другихъ работахъ: «Les Anglais chez eux», «Rustic groups of figures» и пр. Въ концѣ 1851 года онъ вернулся во Францію, но урокъ, взятый имъ въ Англіи не прошелъ даромъ. Съ особенною любовью, съ чувствомъ глубокой и потирающей правды сталъ онъ отдаваться работамъ болѣе скорбнымъ, болѣе поучительнымъ; такова серія: «Le chemin de Toulon» почерпнутая изъ быта каторжниковъ; — но съ наибольшимъ рѣзкостью, съ полнѣйшимъ объективированіемъ мыслей работавшей въ Гаварни, передаетъ его направленіе другая вещь: «Les propos de Thomas Virolleux». Въ ней излагаетъ художникъ всю жолчь, всю мизантропію, все глубокое недовольство жизнью, которое накопило въ немъ.

Съ годами, старѣя и продолжая работать по прежнему (такъ напр. въ теченіи цѣлаго года Гаварни поставилъ для одного изъ журналовъ по литографіи въ день), художникъ возвратился и къ любимому занятію своей молодости — къ математикѣ. О многихъ изъ вопросовъ, разрѣшенныхъ имъ, разсуждали не разъ въ «Academie des sciences»; языки говорили будто онъ занимается разрѣшеніемъ задачи воздухоплаванія. Большой любитель садоводства, Гаварни развелъ въ Анлеи замѣчательный

и изысканный садъ съ оранжереями и ухаживалъ собственноручно за своими кедрами и велингтоніями. Одна изъ желѣзныхъ дорогъ, идущихъ изъ Парижа, должна была пересѣчь этотъ садъ. Гаварни выхлопоталъ себѣ аудіенцію у Императора, и желѣзная дорога отодвинута всторону. Эта любовь къ садоводству нерѣдко между художниками и писателями: стоитъ вспомнить А. Карра, стоитъ вспомнить старика Виргилія. Но если Виргилій любилъ природу именно потому, что она давала ему возможность дышать правдою жизни, давала ему именно то, чего не имѣлъ онъ самъ въ себѣ, чего нѣтъ и въ его «Энеидѣ», — Гаварни любилъ природу потому, что онъ никогда не удалялся отъ нея. Въ самыхъ существенныхъ проявленіяхъ быта человека искалъ онъ вдохновенія; изъ первыхъ рукъ, если можно такъ выразиться, почерпалъ онъ свои типы, и типы эти останутся на долго, навсегда. Жаль, что римская и греческая жизнь не произвела своихъ Гаварни; на сколько легче было бы изученіе исторіи и бытовыхъ отношеній, и какъ умѣстны были-бы иллюстраціи, отпечатанныя съ работъ этого небывалаго Гаварни въ приложеніи къ исторіи какого-нибудь Грота или Моммзена.

С.

Мистеръ Вольтъ, алхимикъ.

(Изъ Дикенсова журнала «All the year round».) *

(Окончаніе).

Я бережно спряталъ скляночку съ полки и поставилъ предъ собой на столъ. Она была наполнена безцвѣтною жидкостью, которая мнѣ показалась весьма чистою, высокаго сорта, потому что поверхность ея была совершенно ровная, безъ малѣйшей впадины, какая бываетъ обыкновенно на поверхности даже самыхъ крѣпкихъ спиртовъ, такъ какъ всякій спиртъ въ такомъ тѣсномъ пространствѣ хоть сколько нибудь приподнимается съ боковъ отъ силы притяженія.

Я вынулъ пробку — хотѣлъ понюхать.

— Оставь, Томъ, не открывай! — холодно, вскрикнулъ онъ жалобно: — закупири, будь отецъ родной закупири, иначе я улечусь Богъ вѣсть куда!

— Маркъ, сказалъ я строго, исполнивъ его просябу, вѣдь ты меня надуваешь, ты призракъ мозга или желудка, ты представитель той ложечки ханшину, которую имѣлъ глупость проглотить два мѣсяца назадъ, или же ты ничто иное, какъ плохо сваренный желудкомъ обѣдъ, котораго я сегодня наѣлся съ тобою и съ твоей женой.

— Я не обманщикъ, Томъ, отвѣчалъ онъ, я — печальная дѣйствительность, и былъ печальною дѣйствительностью безъ малѣйшей тѣни вишней идеи, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Вольтъ такъ мошеннически поступилъ со мной. Ты сегодня не со мной обѣдалъ, Томъ: въ жидкомъ состояніи не обѣдаешь, ты обѣдалъ съ Вольфомъ и съ моей женой.

— Чепуху ты несешь, Маркъ — Вольтъ умеръ, и мы съ тобою выѣхали хоронили его.

— Томъ, ты все еще не понимаешь. Дай мнѣ слово выслушать меня, не прерывая. Я хочу изложить тебѣ все дѣло и просить у тебя совѣта, какъ у юриста.

Я протеръ себѣ глаза, ушнинулъ себя, наступилъ на мучительный мозоль, который я завелъ себѣ собственноручно про подобные случаи и, доказавъ себѣ такимъ образомъ, что я не во снѣ, рѣшился выслушать склянку, которая начала разсказъ свой въ слѣдующихъ словахъ:

— Тебѣ извѣстно, что мы съ мистеромъ Вольфомъ задумали помѣниться на время вишними идеями — тѣлами тожъ. Прежде, чѣмъ мы принялись за опытъ, мистеръ Вольтъ объявилъ мнѣ, что онъ на случай своей смерти составилъ дарственную записку, которую переводить на мое имя должно со всѣмъ, что въ ней есть. Это было весьма великодушно съ его стороны, но показалось мнѣ не совсѣмъ утѣшительнымъ. Мы принялись за дѣло и добыли большое количество блѣдно-фиолетоваго парадистаго эфира. Проглотили по хорошему приему ханшину. Уже не знаю, умудрился ли мистеръ Вольтъ вдохнуть въ себя больше пара, чѣмъ я, сѣвъ ближе къ аппарату, или случилось что нибудь другое, но вѣрно то, что ему удалось выгнать духъ изъ своего тѣла нѣсколькими минутами раньше, чѣмъ мнѣ. Последствиемъ было то, что, пока тѣло его лежало пустое, духъ его пошелъ по комнатамъ. «Скорѣе, сказалъ онъ мнѣ — ужасно холодно.» — «Я и то тороплюсь, сказалъ я: — не могу скорѣе!» Какъ только отрѣшился отъ тѣла, я и вылетѣлъ вонъ изъ него, и не успѣлъ я этого сдѣлать, какъ ужъ мистеръ Вольтъ сидѣлъ въ моей оболочкѣ,

и я слышалъ, какъ онъ говорилъ моимъ прежнимъ голосомъ: «Ну вотъ славно — я ужъ сижу: а вы, Маркъ, какъ поживаете?» Ты едва ли повѣришь такой низости, но какъ бы ты думалъ — какъ употребилъ онъ время, пока я еще не оправился? Взялъ да и влилъ бутылки полторы опиума въ свое пустое тѣло и убилъ его, такъ что мнѣ некуда было дѣваться. Я готовъ былъ плакать отъ досады, но, будучи превращенъ уже въ паръ, побоялся какъ нибудь повредить себѣ. Я изъ всѣхъ силъ старался ступить себя на столько, чтобы опять влѣзть въ свое собственное тѣло, но въ немъ было мѣсто только для одного, а мистеръ Вольтъ уже болѣе чѣмъ занималъ это мѣсто — этимъ и объясняется, что тѣло мое такъ надулось, стало такое полное и гладкое: ему въ немъ немножко тѣсно. «Куда же я дѣнусь? воскликнулъ я въ отчаяніи. Мистеръ Вольтъ, окончательно расположившійся въ моемъ тѣлѣ, отвѣчалъ: «а вотъ куда», всталъ, взялъ склянку — такую холодную, бррр! — спустилъ меня до жидкаго состоянія и влилъ меня въ эту склянку. Понимаешь ты теперь, почему этотъ мошенникъ перевелъ свое имущество на мое имя? Онъ это сдѣлалъ для того, чтобы, укравши мое тѣло, пользоваться имъ по прежнему. Скажи же ты мнѣ теперь, попался ли тебѣ подобный случай во всей твоей юридической практикѣ?

— Никогда, отвѣчалъ я по совѣсти.

— Прекрасно. Какія же средства законъ даетъ мнѣ противъ мистера Вольта?

— Дѣло-то такое небывалое — руководиться нечѣмъ, актедентовъ нѣтъ. Я не вижу даже, въ чемъ ты можешь обвинить мистера Вольта.

— Какъ, въ чемъ я могу обвинить его! возразилъ онъ съ сердцемъ — во всѣхъ преступленіяхъ, какія только значатся въ сводѣ уголовныхъ законовъ. Если допустить исклотить человека — развѣ это не будетъ преступленіе подъ рубрикою «нападеніе на личность»?

— Конечно будетъ.

— Такъ колыми наче должно быть преступленіемъ превращеніе человека въ жидкость. Какое бы вышло ему наказаніе за простое нанесеніе побоевъ?

— Фу! два штрафа, да судебныя издержки.

— Ну, заставивъ его заплатить штрафъ, развѣ нельзя обвинить его въ кражѣ? Если присвоить себѣ принадлежащія другому деревянныя руки и ноги, будетъ это кража или не будетъ?

— Будетъ, безъ всякаго сомнѣнія.

— Стало бытъ, во сколько разъ хуже украсть настоящія, живыя руки и ноги; а вѣдь онъ пользуется теперь не только моими руками и ногами, а всѣмъ моимъ тѣломъ. Что бы ему досталось за это?

— Не болѣе года тюремнаго заключенія, такъ какъ это въ первый разъ — т. е. если будетъ доказана его виновность, — отвѣчалъ я съ сильнымъ удареніемъ на словѣ *если*.

— Далѣе можно подать на него искъ за подлогъ документовъ; безнаказанно укравъ мое тѣло, развѣ онъ не поддѣлываетъ мою подпись подъ чеками, счетами у банкировъ и другими, не говори о томъ, что онъ присвоилъ себѣ мои наличныя деньги?

— Это несомнѣнное преступленіе, согласился я.

— То-то, а за подлогъ что полагается?

— Лѣтъ семь ссылки на каторгу.

— Наконецъ онъ живетъ съ моей женой, это выводитъ двоеженство — значитъ еще годадва ссылки, помѣшей мѣсяцъ.

— Развѣ что двоеженство, а никакъ не двоеженство, возразилъ я: — вѣдь если ужъ дойдетъ дѣло до суда, то окажется, что у жены твоей двое мужей, а мистеръ Вольтъ вѣдь холостой.

— Это жаль, проговорилъ онъ: — но вѣдь можно доказать его соучастничество въ преступленіи, спохватился онъ: — и заставить его заплатить вознагражденіе и судебныя издержки, и потомъ опять подать на него искъ за то, что онъ заплатилъ изъ моихъ денегъ; наконецъ можно обвинить его въ самоубійствѣ — вѣдь онъ же убилъ свое тѣло. Съ самоубійцами какъ по закону поступаютъ?

— Хоронять, но вѣдь ужъ его похоронили, а если не похоронили, стало бытъ, не умеръ — стало бытъ, въ самоубійствѣ участія нѣтъ.

— Ну такъ въ убійствѣ. Подай на него искъ, подай на имя Стедборна, чтобы было меньше хлопотъ, и обвини его въ убійствѣ мистера Вольта. Когда проговоришь его къ смерти, постарайся, чтобы смягчили наказаніе и сослали его, такъ чтобы онъ могъ когда нибудь возвратиться, а когда возвратится, можно будетъ преслѣдовать его гражданскимъ судомъ за незаконное обладаніе моимъ тѣломъ и приговорить его къ изгнанію изъ оного.

— Все это очень хорошо, мой милый Маркъ, сказалъ я: — если бы только ты имѣлъ возможность доказать

правоту твоего дѣла, но я сильно боюсь, что почвы то никакой не окажется подъ тобой. Первый вопросъ— можешь ли ты будучи склянкой подтвердить твои обвиненія такими показаніями, которыя бы убѣдили присяжныхъ?

Склянка пробормотала что то такое въ отвѣтъ, но вдругъ я потерялъ сознание всего, кромѣ прежняго, страннаго туманнаго покрова или мелкой измороси— покровъ по мѣстамъ началъ рѣдѣть и раздвигаться, и сквозь прорѣхи я увидѣлъ, что въ лабораторіи мистера Вольта лежитъ мое собственное тѣло, что Маркъ стоитъ наклонившись надо мною, развязываетъ мнѣ галстукъ и спрыскиваетъ мнѣ лицо водою; наконецъ покровъ совсѣмъ исчезъ—я сидѣлъ на диванѣ, а Маркъ щупалъ мнѣ пульсъ.

— Ну что, совсѣмъ оправился? спросилъ онъ меня ласково.

— Пусти меня назадъ въ Лондонъ, Маркъ: мнѣ приходили такія странныя мысли послѣ похоронъ мистера Вольта, что я самъ не свой.

— Послѣ похоронъ мистера Вольта! Да вѣдь вотъ стоитъ мистеръ Вольтъ—живемъ. Знаешь-ли ты, сколько времени ты проспалъ подъ вліяніемъ хашиша?

— Я помню, что проснулся разъ, мѣсяца два назадъ, и уѣхалъ въ Лондонъ. Неужели ты опять подбуживалъ меня этой драбнѣ послѣ моего возвращенія?

— Ты принялъ хашишу всего одинъ разъ, ровно десять минутъ тому назадъ. Посмотри самъ—теперь 9 ч., ни болѣе ни менѣ, сказалъ Маркъ, показывая мнѣ свои часы. Любопытная штука, а?

— Надѣюсь, сказалъ мистеръ Вольтъ:—что вы теперь вполне убѣдились въ дѣйствительности представленій, вызываемыхъ хашишемъ. Въ вашемъ случаѣ они были, кажется, связаны и послѣдовательны, какъ и тѣ, которыя вы признаете дѣйствительными. Не такъ-ли? и кромѣ того независимы отъ вашей воли.

— Совершенно вѣрно, отвѣчалъ я:—разница отъ дѣйствительности вся въ томъ, что фантазія моя представила мнѣ, что вы совершили самоубійство, а, просыпаясь, я застаю васъ живыми и здоровыми, несмотря на что.

Мистеру Вольту очень хотѣлось вступить въ преніе по этому поводу, но Маркъ рѣшительно объявилъ, что намъ пора и утащить меня къ себѣ ужинать.

— Это одинъ изъ лучшихъ химиковъ во всей Англіи, сказалъ онъ мнѣ дорогой.

— Но вѣдь онъ, очевидно, не въ здоровомъ умѣ.

— Онъ помѣшанъ только изъ одного, отвѣчалъ Маркъ:—и я потакаю ему въ его слабости ради его удивительной учености и податливости во всемъ другомъ. Но будь увѣренъ, что, хотя мы часто мѣняемся идеями въ обще-принятомъ смыслѣ этого выраженія, но я не имѣю ни малѣйшаго намѣренія обмѣняться съ нимъ виѣшними идеями въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ говорить.

БИБЛИОГРАФІЯ.

По поводу книги г. Массона: Сборникъ пословицъ нѣмецкихъ, русскихъ, французскихъ и др. 1868. Die Weisheit des Volks. Einiges aus dem Sprichwörtertschatz der Deutschen, Russen, Franzosen u. a.

Ни въ чемъ такъ не выражается задушевная мысль народа о явленіяхъ общественной жизни, ея условіяхъ и характерныхъ особенностяхъ, какъ въ пословицахъ. Конечно, каждая пословица обязана своимъ первоначальнымъ появленіемъ одной личности, которой удалось ближе схватить и вѣрнѣе выразить какую нибудь сторону того или другого явленія; но уже то самое обстоятельство, что мѣтко сказанное слово не прошло мимо сотнями тысячъ другихъ словъ, ежедневно и навсегда исчезающими, доказываетъ, что мѣткое выраженіе нашло себѣ отголосокъ въ умахъ и сердцахъ слушателей, которые схватываются за то или другое выраженіе именно потому, что оно отлично передавало понятіе, мысль, давно уже шевелившуюся въ ихъ головахъ, но не выглядывавшую до тѣхъ поръ наружу за недостаткомъ удачной формы. Но вотъ искомое слово найдено, подхвачено стоустой молвой; въ народной рѣчи оно становится любимымъ украшеніемъ и авторитетнымъ практическимъ аргументомъ, котораго не сокрушить никакая хитромудрая философія кабинетныхъ измышлений, — и пошла пословица гулять по-свѣту, находя себѣ привѣтъ и отвѣтъ вездѣ, гдѣ люди живутъ и чувствуютъ. Въ этомъ смыслѣ совершенно справедливо называютъ пословицы созданіемъ гения народа. Конечно, большая часть пословицъ не осталась въ томъ первоначальномъ видѣ, въ какомъ онѣ вышли изъ устъ первыхъ творцовъ. Естественно,

что онѣ видоизмѣнялись, сглаживались, добавлялись, разъяснялись, примѣнялись къ различнымъ обстоятельствамъ жизни и такимъ образомъ составляли цѣлую семью родственныхъ пословицъ. Каждое явленіе, вытекающее изъ народной жизни и повторяющееся въ ней, имѣетъ цѣлую группу вариантовъ-пословицъ, въ которыхъ одна и та же основная мысль повторяется на разные лады, смотря потому, какая форма болѣе подходитъ къ правамъ той или другой мѣстности. Эта особенность пословицъ обща всѣмъ народамъ и, при сравненіи, представляетъ чрезвычайно много поучительнаго для исторіи умственной жизни *народовъ*. Довольно трудно съ точностью разрѣшить вопросъ — откуда происходитъ это, часто поразительное, сходство пословицъ у самыхъ различныхъ и отдаленныхъ другъ отъ друга народовъ; сходство не только по мысли и виѣшности выраженія, но даже по подробностямъ этой виѣшности, такъ-что невольно приходится принять ихъ за буквальные переводы. Но и тутъ мы встрѣчаемъ не легкій вопросъ: когда и кѣмъ сдѣланы эти несомнѣнные переводы? Если на языкѣ пословицы лежитъ печать новизны, то сходство ея съ пословицами другаго народа можетъ быть объяснено простою передачею, простымъ переводомъ. Какой нибудь нѣмецъ, затесавшійся въ среду русскаго населенія и выучившійся говорить по-русски, естественно старался переводить свои родныя пословицы на русскій языкъ. Если пословица приходилась по вкусу русскому человеку, то онъ исправлялъ ея редакцію, пускалъ въ ходъ и она, мало по малу, приобретала права гражданства между русскими пословицами. Такъ можно объяснить себѣ сходство позднѣйшихъ пословицъ. Но этимъ путемъ передачи невозможно объяснить схождения, иногда поразительнаго, между такими пословицами двухъ народовъ, которыя носятъ на себѣ несомнѣнные признаки глубоко древняго происхожденія, и по-неволѣ приходится искать разгадки этого схождения въ томъ до историческомъ періодѣ, когда языки народовъ одного и того же индо-европейскаго (такъ неудачно названнаго индо-германскимъ) племени находились въ періодѣ полной формировки, когда они еще мягкіе какъ воскъ, или какъ лепетъ ребенка, отливались въ различныя формы, изъ которыхъ современнымъ образовались твердыя индивидуальности языковъ. Можетъ быть иная пословица зародилась еще во время формации самаго языка и была перенесена различными народами изъ одного общаго источника, и потомъ уже обрабатывалась въ своей формѣ вмѣстѣ съ развитіемъ языка того или другаго народа.

Не мало загадочныхъ идей рождается, когда пробуемъ пословицы различныхъ народовъ, относящіяся къ одному и тому же предмету и ищемъ угадать тотъ нравственный или умственный источникъ, изъ котораго вырвался этотъ рой многоязычныхъ, но тождественныхъ по мысли, пословицъ. Посмотрите, наприимѣръ, съ какою злобью шипятъ онѣ на всѣхъ своихъ языкахъ, когда рѣчь идетъ о женщинахъ:

«У бабы волосъ длиненъ, да умъ коротокъ», говоритъ русскій; «Langes Haar, kurzer Sinn», подтверждаетъ нѣмецъ; «Longs cheveux, court cerveau», прибавляетъ французъ. «На головѣ-то густо, а въ головѣ-то пусто», рубитъ русакъ, «въ долгомъ платѣ, да въ короткомъ разумѣ», прибавляетъ онъ; «sub longis tunicis brevis est animus», говоритъ римлянинъ; «Frauen haben lange Kleider und kurzen Muth», переводитъ нѣмецъ.

Однако, надо позарать, что этотъ короткий умъ и долгій волосъ сдумѣлъ-таки очень насолить мужьямъ всѣхъ націй, если всѣ они такъ дружно, съ такою злобью и такъ обильно сыплютъ свои ѣдкіе сарказмы на бѣдную длинноволосую подругу своей жизни.

«Uxoris probum ultimus, qui resciat, est maritus», замѣчаетъ римлянинъ; «Опрічь чоловіка кожний знає, що жінка гуляє», съ обычной ѣдкостью выражается малороссъ; тоже повторять и русскій: «одинъ мужъ не знаетъ, гдѣ жена гуляетъ»; «Wenn die Frau untreu wird, erfährt ihr Mann am letzten», умствуешь нѣмецъ; «Un mari est toujours le dernier instruit de la conduite de sa femme», резюмируетъ французъ, и этимъ всѣ дружно свидѣтельствуютъ, что короткий бабій умъ все-таки былъ всегда и вездѣ достаточно длиненъ, чтобы обойти любого мужчину.

«Бабій кадыкъ не заткнешь ни пирогомъ, ни рукавицей», «стели бабѣ вдоль—она мѣряетъ въ поперекъ», «расходится старуха, такъ и не убаюкаешь», «отъ чорта крестомъ, отъ свини пестомъ,

а отъ лихой бабы ни крестомъ, ни пестомъ», «лучше раздражить собаку, чѣмъ бабу», говоритъ раздраженный русскій мужъ; но и нѣмецкій Mann не отстаётъ отъ своего сосѣда: «Bösem Weibe kann niemand steuern», «es ist schlimmer ein böses Weib reizen, als einen bissigen Hund»; «Femme querelleuse est pire que le diable», «Femme, qui gronde est comme un toit qui dégoutte», прибавляетъ французъ; «Шафрану не перетрешь, а жінки не перепрешъ», «Баба та чортъ то собі рідня», «Не поможе бабі кадыло, коли її сказило», говоритъ бѣдный, задавленный галичанинъ, который, очевидно, также не можетъ справиться съ кадыкомъ своей супруги; «Dum, dach dziurawy, zła żona najguchlej wypędza z domu», подтверждаетъ полякъ, которому по поводу расходившагося языка супруги, также какъ и французу, пришла въ голову дырявая крыша; «Femina nil pestilentius», лаконически и угрюмо заканчиваетъ римлянинъ.

Гдѣ баба — тамъ рынокъ, гдѣ двѣ — тамъ базаръ», «три бабы — базаръ, а семь — ярмарка», «гусь, да баба — торгъ, два гуся, двѣ бабы — ярмарка», говоритъ русскій; нѣмецъ также вспоминаетъ о гусяхъ по поводу женской болтливости, да еще прибавляетъ и лягушекъ: Drei Weiber, drei Gäns und drei Frösche machen einen Jahrmarkt; французъ не отстаётъ отъ нѣмца; англичанинъ тоже вспоминаетъ про гусей: «Three women and a goose make a market»; про гусей же твердитъ и римлянинъ: «Tres feminae et tres anseres sunt nundinae»; «Три жене и една гуска чине вашаръ», твердитъ сербъ. Гуси, бабы и ярмарка безпрестанно повторяются въ пословицахъ этого рода и разница между ними выходитъ только въ томъ — сколько именно нужно гусей и бабъ, чтобы составила ярмарка. «Два жиди и двѣ невісти, зроблять ярмарокъ вмісті», говоритъ по тому-же поводу галичанинъ, для котораго крикливые жиды удачно замѣнили гусей.

«Куриць не пѣтъ пѣтухомъ, не владѣтъ бабѣ мужикомъ», утѣшаетъ себя русскій супругъ; «гдѣ хвостъ начало — тамъ голова — мочало» и т. д. «Бѣда тобі, воле, коли тебе корова коле», замѣчаетъ довольно идилически малороссіянинъ, гдѣ воламъ по большей части достается отъ коровъ; «La femme ne doit point apporter de tête en mariage», наставляетъ французскій мужъ свою жену; «Trista è quella casa dove le galline cantano e'l gallo tace», также вспоминаетъ италянецъ про пѣтуха и курицу; «non sane convenit, ut Hercules Omphalae serviat», прибѣгаетъ къ міеологіи римлянинъ для выраженія той-же мысли.

Но что же означаютъ эти обильные сарказмы всѣхъ народовъ, сыплются на голову бѣдной женщины? Отчего такъ насолито мужчине это существо, которое по природѣ и добрѣе и мягче его? Не кроется ли въ самихъ мужчинахъ или въ не-правильности отношеній двухъ половъ эта общая язва человечества, обличаемая пословицами всѣхъ народовъ и вѣковъ? Предпримчивые заатлантискіе друзья наши дѣлаютъ самыя эксцентрическія попытки, чтобы найти радикальныя средства противъ этой язвы, но едвали они не откроютъ прежде средства летать по воздуху.

Но чѣмъ же отвѣчаютъ женщины на всю эту соль и ядъ пословицъ? Почти ни чѣмъ!

«Паоха стужа да мужа, а все лучше худого мужа», отвѣчаетъ она печально; «съ мужемъ горе, а безъ мужа вдвое», замѣчаетъ уже вторая женщина, «худъ мой Устинъ, да все лучше съ нимъ»; «у плохого мужа жена всегда дура», говоритъ третья — побойте: и только! Ни одного энергическаго протеста, ни одного мѣтко-ѣдкаго слова! Не показываетъ-ли это, что и въ созиданіи пословицъ творческая сила мужчинъ принимала гораздо большее участіе, чѣмъ женскій говорливый, но не мѣткій языкъ? Чтобы создать пословицу, чтобы она выскочила на свѣтъ и заблистала ярко, нужно умѣть сказать, да нужно умѣть и помолчать, а этой то послѣдней способности и не хватало у женщины. Можетъ быть и въ ея жалобахъ порой вырвались слова, отъ которыхъ жутко пришлось бы авторамъ колкихъ пословицъ, но за ними шли другія, за другими бѣжали третьи и всѣ они сливались въ общій жалобный говоръ ручья, въ которомъ ни одинъ звукъ не выдается рѣзко, ни одинъ всплескъ не отчеканивается ясно; все сливается въ одну печальную пѣсню — печальную, но и убаюкивающую, подъ которую можно разгрузиться, можно и задремать, но изъ которой не останется въ памяти ни одного яснаго слѣда, ни одного продолжительнаго впечатлѣнія.

Туринъ.

Флоренція

На многія і многія мысли наводити чтеніє сравнительныхъ пословиць, изданныхъ г. Массономъ и мы отъ души желаемъ, чтобы этотъ опытъ былъ плодотворнымъ началомъ гораздо болѣе обширныхъ трудовъ въ томъ же родѣ. Мы могли бы замѣтить г. Массону, что напрасно во главѣ каждой группы пословиць онъ ставитъ нѣмецкія. Очевидно, онъ издавалъ свою книгу для чтенія въ Россіи, почему ему и надо бы было придерживаться того способа распредѣленія пословиць, который наиболѣе удобенъ именно для русскихъ читателей. Если въ Россіи и найдется много людей, знающихъ нѣсколько иностранныхъ языковъ, то въ Германіи русскія пословицы безъ перевода ихъ на нѣмецкій языкъ почти не найдутъ себѣ читателей, слѣдовательно и съ этой стороны распредѣленіе пословиць, принятое г. Массономъ, не представитъ ему никакихъ выгодъ. Можно бы было указать г. Массону и на нѣкоторыя крупныя неточности, встрѣчающіяся въ размѣщеніи пословиць по смыслу, которыхъ, кажется, легко можно бы было избѣжать. Но самую чувствительную слабость сборника г. Массона составляетъ замѣтная бѣдность источниковъ, которыми онъ пользовался при составленіи. Въ книгѣ встрѣчается весьма много языковъ, но довольно мало соответствующихъ пословиць; а между тѣмъ этотъ недостатокъ, какъ намъ кажется, весьма не трудно было устранить, по крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ языкамъ. Напримѣръ, г. Массонъ приводитъ кой-гдѣ галицкія и малороссійскія пословицы, но такъ отрывисто, что иногда онѣ теряютъ всю силу выразительности и юмора. Въ этомъ случаѣ авторъ сдѣлалъ большую ошибку, не воспользовавшись прекраснымъ сборникомъ г. Номиса, составленнымъ чрезвычайно тщательно и съ безукоризненной группировкой, такъ что г. Массону почти никакого труда не стоило бы отыскать соответствующую пословицу на каждую изъ своихъ группъ. Впрочемъ, замѣчанія, сдѣланные нами, нисколько не унижаютъ труда г. Массона, тѣмъ болѣе, что это первая попытка и, какъ первая попытка, очень удачная. Польза и занимательность, съ которою читается сборникъ пословиць разныхъ народовъ, заставляетъ насъ надѣяться, что онъ дождется и второго изданія. При второмъ же изданіи мы советуемъ г. Массону, во первыхъ — поставить русскія пословицы во главѣ, во вторыхъ — размѣстить ихъ по предметамъ такъ, что бы легче было познакомиться со взглядомъ различныхъ народовъ на однѣ и тѣ же общественныя отношенія и въ третьихъ, наконецъ, если уже размѣщать пословицы по алфавиту, то принять алфавитъ русскій, а не нѣмецкій, какъ это сдѣлано теперь.

Недавно г. Марксъ издалъ «Статистическую таблицу всѣхъ государствъ свѣта», передѣланную съ 17-го изданія таблицы Отто Гюбнера. Таблица О. Гюбнера, вещь совершенно необходимая для всякаго мыслящаго человека. Въ долгихъ бесѣдахъ со знакомыми, въ спорахъ о томъ или другомъ, часто нужно обращаться къ числовымъ даннымъ. Рыться въ десяткахъ книгъ и скучной невозможности, потому что не у всякаго-же есть своя бібліотека. Тутъ то именно и является на помощь упомянутая таблица и даетъ всѣ необходимыя объясненія. Ознакомить русскую публику съ этою таблицею, мысль очень счастливая и мы очень благодарны г. Марксу за его трудъ. Но именно потому, что мы считаемъ изданіе это полезнымъ, мы рѣшаемся сдѣлать кое-какія замѣчанія. Прежде всего объ именахъ собственныхъ. Издатель передалъ совершенно невѣрно многія изъ нихъ: Техасъ названъ Текасомъ, Лилль-Лилле, Нью-Джерсей — Нью-Хампшеромъ, одна изъ турецкихъ монетъ — Меджіе названа Меджіуй и т. п.

Указывая публикѣ на изданіе таблицы, мы этимъ самымъ заявляемъ свое сочувствіе этому изданію. Таблица эта дѣйствительно необходима каждому, особенно людямъ не имѣющимъ бібліотеки. Исправленіе кое-какихъ погрѣшностей въ слѣдующемъ изданіи — дѣло легкое и, конечно, будетъ исполнено г. Марксомъ. Во всякомъ случаѣ должно отдать справедливость труду издателя съ его графической стороны: размѣщеніе чиселъ должно было стоить весьма значительныхъ усилій; пригнать ихъ къ своимъ мѣстамъ и не выйти изъ соответствующихъ рубрикъ требовало, безъ всякаго сомнѣнія, и умѣнія и знанія.

Флоренція и Туринъ.

Да позволить намъ читатель начать издалика. Одинъ изъ нѣмецкихъ философовъ, разсуждая объ историческомъ развитіи народовъ (а кто-же не способенъ разсуждать о развитіи народовъ?), сказалъ въ одной изъ книжечекъ своихъ, будто большая часть столѣтій имѣетъ свои «фізіогноміи». Профессоръ принималъ слово фізіогномія въ антропоморфическомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ лица, отличающагося тѣми или другими чертами, тѣмъ или другимъ выраженіемъ, такою-то профилею, такимъ-то складомъ. Принявъ

это мнѣніе на слово, можно сказать самымъ положительнымъ образомъ, что такія-то столѣтія представляютъ собою образчики безобразія, такія-то отличаются красотою. Самымъ идеальнымъ красавцемъ принято считать въ исторіи Греціи вѣкъ Перикла, въ исторіи Англіи — вѣкъ Елизаветы, у насъ — вѣкъ Екатерины. Бывали и такія удивительныя времена гдѣ не только отдѣльныя государства, но вся Европа, въ совокупности представляла цѣлое собраніе кривыхъ и уродливыхъ фізіогномій; таковы были напримѣръ обѣ смѣжныя половины 14 и 15 столѣтій. Стоитъ вспомнить о людяхъ, стоявшихъ въ тѣ дни во главѣ управленій, съ тѣмъ, чтобы понять гримасничанье и подергиванье обезображенныхъ фізіогномій большей части европейскихъ государствъ. Въ Англіи хозяйничалъ безумный Ричардъ II; въ Германіи полудикій, полупростоватый Венцеславъ; Франціею управлялъ слабоумный Карлъ VI, на престолѣ св. Петра толкались одновременно папы, порожденные вавилонскимъ расколомъ церкви, на престолѣ кастильскомъ возсѣдала одна изъ страшнѣйшихъ историческихъ личностей Донъ-Педро, въ Миланѣ Висконти, въ княжествѣ Московскомъ Шемяка. Да, это была удивительная фізіогномія — фізіогномія того времени!

Если нѣмецкій философъ, съ котораго мы начали, былъ правъ, говоривъ о фізіогноміяхъ столѣтій, едвали не съ большимъ основаніемъ можемъ мы утверждать, что города, нарождавшіеся этими столѣтіями, тоже имѣютъ свои лица. Тогда какъ характеристики давно прошедшихъ временъ покоятся въ хроникахъ и регистрахъ бібліотекъ и существуютъ не больше какъ фікціи воображенія человека — фізіогноміи городовъ можно, пожалуй, фотографировать. Какое-нибудь описаніе римской ночи у Петронія пріобрѣтаетъ плоть и кровь только въ самомъ читающемъ, и только для него самого; ни этихъ личностей, ни этихъ пиршествъ и скандаловъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ, а есть только буквы рукописей и книгъ, да и тѣ полустлѣвшія, оборванные, съ ошибками. Иначе съ характеристиками городовъ. Города растутъ во времени. Данное время идетъ надъ ними и несетъ съ собою извѣстное количество усовершенствованій, пожаровъ, войнъ, насилиі, бѣдности и добродѣтелей, гениальныхъ личностей и бездарнѣйшихъ глупцовъ и пр. и пр. Всѣ эти пружины человѣческаго развитія работаютъ болѣе или менѣе долго и оставляютъ по себѣ матеріальный слѣдъ. Подобно образованію кораловыхъ острововъ, поднимающихся со дна морскаго, растутъ и города. Молодая жизнь стремится впередъ, бросаетъ, какъ ненужныя и тѣсныя, прежнія условія, прежнія жилища свои, формируетъ другія гнѣзда, но прежнія не исчезаютъ. Правда, иногда по нуждѣ, иногда по своеволію, эти старыя гнѣзда разрушаются потомками строителей, разрушаются временемъ, но многое, очень многое остается стоять и, окруженное молодымъ, нерѣдко чуждымъ ему, торчить неподвижно вѣхою, подлѣ которой проходило прежнее русло теченія. Вотъ этими-то остатками, обусловливающія фізіогноміи городовъ, фізіогноміи существующія фактически, а не только въ воображеніи человека. Да не подумаетъ читатель, чтобы къ числу элементовъ, изъ которыхъ составляются эти фізіогноміи, относили мы только памятники, въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова. Нѣтъ, мы идемъ дальше, мы не отдѣляемъ отъ общаго впечатлѣнія и проявленій духовной жизни. Будетъ ли сохранена правда, если представить себѣ современный намъ Римъ безъ католическихъ процессій, безъ малиновыхъ кардиналовъ и лиловыхъ монсеньоровъ? не впадемъ ли мы въ обманъ, если изъ современной фізіогноміи Берлина выкинуть военный элементъ, изъ Франкфурта на Майнѣ — жидовъ, изъ Гейдельберга — студентовъ. Студентъ, жидъ, военный и монахъ это тоже слѣды прошедшаго, формы, завѣщанныя былымъ временемъ этихъ городовъ.

Едвали можно встрѣтить между городами двухъ такихъ, которые подобно Турину и Флоренціи будучи сближены судьбою, представляли такъ мало общаго въ своихъ характеристикахъ.

Флоренція, красавица Флоренція, лежащая по южную сторону Аппенинъ, сохраняющая на своихъ деревьяхъ большую часть зелени круглый годъ, разлеглась безпорядочно и своевольно по обоимъ берегамъ Арно и потонула въ садахъ. Площади Флоренціи малы и неправильны. Узкія улицы, ломающіяся и выходящая по всѣмъ направленіямъ, какъ вертикальнымъ такъ и горизонтальнымъ, подсказываютъ очень ясно о древности города, о томъ, что онъ росъ не по чьему либо плану, а такъ, какъ ему хотѣлось, какъ приходилось. Древность эта часто

далекая древность, сквозитъ повсюду въ крестныхъ ходахъ монастырей, въ надгробныхъ памятникахъ, въ почеркѣвшихъ и вывѣтрившихъ фасадахъ церковныхъ. Археологъ и историкъ, попадая во Флоренцію, чувствуютъ, что попали въ свою стихію, что тутъ есть чему научиться... Иначе, совершенно иначе съ Туриномъ. Здѣсь все какъ будто только-что устроено и только что выкрашено, все явилось по приказанію. Раскинувшись широко въ широкой равнинѣ, ничѣмъ не защищенный отъ холода охватывающаго порою, отъ Швейцарскихъ альповъ, Туринъ перенесъ еще въ прошломъ году суровую и безотрадную зиму: въ немъ замерзло нѣсколько человекъ. Главная и большая часть города прорѣзана сѣтью параллельныхъ, взаимно пересѣкающихся улицъ, дробящихъ городъ на правильные квадраты. Горѣ тому пѣшеходу, которому доведется пробираться изъ конца въ конецъ по діоганами: онъ долженъ пройти цѣлымъ рядомъ зубцовъ и волей неволей держаться дальнѣйшаго пути. Въ Туринѣ очень мало садовъ, за то улицы прямы и широки, за то площади обширны и раскинуты по планамъ правильныхъ математическихъ фигуръ. Если по Флоренціи идетъ баталіонъ солдатъ, — онъ тянется узкою полосой, громъ турецкаго барабана немилосердно отдается въ ушахъ проходящихъ и заставляетъ дребезжать стекла въ домахъ. По многимъ улицамъ Турина баталіонъ можетъ идти хоть колоною, и турецкій барабанъ совершенно напрасно старается произвести сильное впечатлѣніе: звуки его расплываются, исчезаютъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что на всякаго, впервые попадающаго въ Туринъ и Флоренцію, оба города производятъ впечатлѣніе совершенно противоположное. Во Флоренціи хотѣлось бы остаться, изъ Турина хотѣлось бы поскорѣе вонъ. Гуляя по дворцамъ Флоренціи, по картиннымъ галлерейамъ, музеямъ статуй и рѣдкостей, на эти рѣдкости и картины смотришь какъ на что-то выросшее съ городомъ за одно, какъ на вещи необходимо и неоспоримо принадлежащія мѣстамъ, въ которыхъ они поставлены, этимъ стѣнамъ, этимъ людямъ. Попадая во дворецъ или въ замокъ въ Туринѣ, проходишь мимо скученныхъ сокровищъ и думаешь: отчего это тутъ поставлено, тамъ повѣшено, вѣдь оно могло бы висѣть иначе, или этаго могло бы и совсѣмъ тутъ не быть. Впечатлѣніе какого-то лагерь, какой-то временной стоянки невольно напращивается въ душу путешественника и если онъ попалъ въ Туринъ съ сѣвера, первое впечатлѣніе, производимое Италіею, остается крайне невыгоднымъ.

Но первое впечатлѣніе рѣдко обманываетъ; отъ цистерны Турина это совершенно справедливо. Живите недѣлю, двѣ, мѣсяць — и городъ не пробудитъ въ васъ никакого новаго чувства, вы останетесь совершенно чужды его интересамъ. Во Флоренціи наоборотъ: съ каждымъ днемъ пережитымъ въ ней, городъ открываетъ въ васъ какое-нибудь новое желаніе, даритъ васъ новыми свѣденіями и даритъ ими не такъ какъ всякая бібліотека: изъ книгъ, изъ чтенія, а даритъ ихъ какъ-бы съ улицъ, съ прогулокъ, которыя вы предпринимаете. На каждомъ шагѣ услужливый чичероне угощаетъ васъ какимъ-нибудь почтеннымъ историческимъ именемъ или фактомъ. Тутъ напоминаютъ вамъ о Дантѣ, о Виллани, о Рафаэлѣ и Микель Анжело, тамъ говорятъ вамъ о Медичисахъ, здѣсь о Петраркѣ и Леонардо Винчи. Такихъ, или подобныхъ именъ, не встрѣтите вы въ Туринѣ, тамъ ихъ нѣтъ, тамъ они будто не на мѣстѣ. Войдемте въ соборъ Флоренціи: это цѣлая безконечность памятниковъ и воспоминаній. Самая незначительная плита и та рассказываетъ вамъ, что нибудь... на этой, напримѣръ, читаете вы имя Паризины. Паризина! да вѣдь это здѣсь задумалъ Байронъ одну изъ своихъ лучшихъ поэмъ... Куда-бы вы ни пошли, куда-бы ни повернулись, нигдѣ не пусто, все населено какимъ-то невидимымъ міромъ, изъ каждаго саркофага сказывается мысль... Въ Туринѣ мечтать не возможно. Во Флоренціи нельзя не мечтать: тутъ каждый шагъ земли полить кровью, здѣсь, за долго до французской революціи, человѣчество праздновало первыя побѣды свободы, здѣсь какой-нибудь М. Анжело начальству артиллеріею, загорѣлый и закопѣлый, заряжалъ неуклюжую пушку и направлялъ ее противъ имперцовъ и Медичисовъ; здѣсь обдумывалъ Дантъ свою божественную комедію... у Турина не было ни М. Анжело, ни Данта, были, правда, другіе, напримѣръ Кавуръ, но величіе-то его какое-то сухое, дѣловое, олицетвореніе современной дипломатіи и — романтическаго не ищите въ немъ. С.

УСПЕХИ ЦИВИЛИЗАЦИИ И НАУКЪ.

Антропология.

— Недавно въ «Revue des cours scientifiques» Катр-фажъ въ доказательство того, что негры могутъ превращаться въ бѣлыхъ, приводитъ слѣдующіе факты. Прежде всего онъ указываетъ на то, что между неграми встрѣчаются альбиносы съ бѣлыми волосами и красными глазами. Первый приводимый имъ фактъ въ доказательство того, что негры, происходящіе только отъ негровъ, могутъ, не дѣлаясь альбиносами, превратиться въ людей съ бѣлою кожей, заимствованъ у Бюффона. Одна негритянка, служившая кухаркою у полковника Барне, происходила отъ чистокровныхъ негровъ и не имѣла ни одного бѣлокожаго родственника. Около 15 лѣтняго возраста, кожа около ногтей и рта стала дѣлаться у нея бѣлою. Въ 40 лѣтъ, уже все тѣло, за исключеніемъ шеи и спиннаго хребта, имѣло розоватый цвѣтъ. На мѣстахъ, оставшихся черными и волоса росли черные, на мѣстахъ же измѣнившихся своей цвѣтъ, волоса были бѣлыми. — Другой не менѣе достовѣрный фактъ сообщаетъ д-ръ Гаммеръ. Молодой негръ, происшедшій также отъ чистокровныхъ негровъ, на 16-мъ году отъ рожденія былъ укушенъ собакою. Послѣдствіями происшедшаго отъ этого испуга были слѣдующія явленія. Въ теченіи 25 дней кожа негра побѣлѣла очень значительно; за тѣмъ, все тѣло покрывалось бѣлыми пятнами, которыя постепенно сдвигались другъ съ другомъ. На 25 году отъ рожденія негръ этотъ имѣлъ уже бѣлую кожу, на которой мѣстами только были видны темныя пятна. Нижняя часть лица была бѣлаго цвѣта, верхняя же часть чернаго; кожа на черепѣ была бѣлая, но цвѣтъ волосъ нисколько не измѣнился, тогда какъ волоса на другихъ частяхъ тѣла сдѣлались значительно свѣтлѣе. Третій фактъ приводимый Катрфажемъ заключается въ томъ, что по показанію адмирала Флерье де Лангъ на рѣкѣ Габунъ, въ Африкѣ, находится деревня, населенная одними бѣлыми неграми; кожа ихъ розовато-бѣлаго цвѣта, у нихъ голубые глаза, не боящіеся свѣта, какъ глаза альбиносовъ и красивые курчавые волосы.

— Во французскомъ журналѣ «Bulletin de l'Academie d'Hippone» генералъ Фэдэрдъ сообщаетъ о раскопкахъ, предпринятыхъ имъ въ Рокни въ провинціи Константины (на западномъ склонѣ Джабель-Дебага въ окрѣстностяхъ Гельма, не далеко отъ дороги въ Жемманъ) на одномъ древнемъ кладбищѣ, гдѣ находится до 300 могилъ. Черепы, найденные въ этихъ могилахъ, служатъ, по словамъ генерала, доказательствомъ того, что либійцы или берберы составляли первобытное населеніе Атласскихъ горъ и что они ничего не имѣютъ родственнаго ни съ Египтянами, какъ утверждаетъ Пруги-Бей, ни съ какимъ нибудь другимъ африканскимъ племенемъ или съ семитами, но имѣютъ чрезвычайно много общаго съ древнѣйшими обитателями Европы.

Зоология.

— Въ южной Африкѣ встрѣчается змѣя, называемая *спринг-слангъ* (spring-slang, голландскіе колонисты). Змѣя эта замѣчательна тѣмъ, что она на довольно далекомъ разстояніи брызжетъ ядомъ въ глаза приближающемуся къ ней человеку. Слѣдствіемъ дѣйствія яда упомянутой змѣи бываетъ появленіе мѣстной глазной болѣзни, въ очень сильной степени, отъ которой иногда люди теряютъ зрѣніе.

Археология.

— Раскопки Геркуланума вскорѣ возобновятся; уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ было рѣшено приступить къ работамъ, но до сихъ поръ этому мѣшало то обстоятельство, что одинъ пасторъ никакъ не хотѣлъ уступить правительству своего сада, съ котораго предположено было начать работы. Теперь пасторъ этотъ умеръ и правительство приобрѣло принадлежавшій ему садъ. Недавно, король Викторъ Эммануилъ постигъ подземные ходы Геркуланума и тѣмъ открылась для раскопки новая эпоха. Король пожертвовалъ на предвѣрительныя работы, на пять лѣтъ по 6,000 лиръ. Работы будутъ ведены подъ руководствомъ Фиорелли, извѣстнаго уже своими заслугами при раскопкахъ въ Южной Италіи. Работы по раскопкѣ Геркуланума были прекращены двадцать лѣтъ тому назадъ, хотя они дали отличные результаты; все что будетъ найдено при будущихъ раскопкахъ, не будетъ считаться королевскою собственностью и прятаться въ мало доступныя галереи, но будетъ составлять предметъ публичныхъ выставокъ.

— Лейтенантъ Уарренъ сообщаетъ изъ Иерусалима объ одномъ весьма интересномъ открытіи, сдѣланномъ имъ въ разстояніи около 23 футовъ отъ южной стороны пруда Бетседы. Въ одномъ саду онъ нашелъ три цистерны, открывшіяся очень узкими отверстиями на поверхности земли. При изслѣдованіи двѣ изъ нихъ не заключали въ себѣ ничего замѣчательнаго, но третья вознаградила старанія Уаррена. Узкій входъ въ цистерну имѣлъ только 3 фута длинны; на глубинѣ 10 футовъ Уарренъ достигъ до дна небольшого подвала. Вода стояла только на высотѣ трехъ футовъ и, какъ показали дальнѣйшія изысканія, находилась въ прямомъ сообщеніи съ прудомъ Бетседы. При освѣщеніи помощью магнѣевой проволоки, Уарренъ увидалъ, что находится въ большомъ подземельи, составленномъ изъ ряда сводовъ и напоминавшаго ему соборъ въ Кордовѣ. Пробывъ въ подземельи три часа. Уарренъ вмѣстѣ съ своими спутниками долженъ былъ прекратить работы, вслѣдствіе очень низкой температуры воды.

Геология.

— Въ венценскихъ залежахъ гипса около Гильдесгейма, найдены недавно прорости сѣры. Въ послѣднее время количество найденной здѣсь сѣры такъ велико,

что напоминаетъ собою сѣрные промыслы въ Сициліи. Горное вѣдомство Гильдесгейма сдѣлало уже распоряженіе о разработкѣ сѣрныхъ находокъ для техническихъ цѣлей.

Телеграфия.

— Англійскому инженеру Чарльсу Брайту удалось недавно снова возстановить порвавшійся прошедшимъ лѣтомъ подводный телеграфный канатъ между Флоридою и Гаванною; не смотря на огромныя затрудненія вслѣдствіе сильнаго теченія Гольфстрема и непостоянной погоды, Брайтъ успѣлъ спаять порвавшійся канатъ и снова погрузить его въ воду.

Архитектура.

— Папа приказалъ реставрировать знаменитый театръ Марцелла въ Римѣ. Постройка этого театра колоссальныхъ размѣровъ была начата во времена Цезаря и окончена въ царствованіе Августа, давшего ему названіе въ честь своего племянника Марцелла.

Библиография.

— Беригардъ Котта, авторъ «Геологіи настоящаго времени», намѣренъ обнародовать въ скоромъ времени результаты своего научнаго путешествія на Алтай. Книга будетъ озаглавлена: «Алтай, его геологическое строеніе и его рудники, его флора и фауна.»

Выставки.

— Въ Прагѣ отъ 2 (14) до 5 (17) мая будетъ открытъ третій международный сѣльско-хозяйственный рынокъ и выставка. Будутъ выставлены всѣ сѣльско-хозяйственные домашнія животныя, со включеніемъ птицъ и собакъ всѣхъ породъ и всѣ сѣльско-хозяйственные машины.

Статистика.

— Нидерландское правительство издало недавно программу предполагаемаго въ нынѣшнемъ году въ Гаагѣ международнаго статистическаго конгресса. Брошюра эта составлена докладчикомъ министерства внутреннихъ дѣлъ фанъ Баумгауэртомъ и носитъ заглавіе: *Idées mères ou plan motivé d'une programme pour la septième section du congrès international de Statistique.*

— По новѣйшимъ наблюденіямъ, со времени послѣдняго землетрясенія на англійскихъ островахъ, скорость теченія Гольф-Стрема въ флоридскомъ проливѣ почти удвоилась. Если это ускореніе теченія не уменьшится и сообщится всему направленію Гольф-Стрема, то на западномъ берегу Европы произойдутъ значительныя измѣненія въ климатѣ.

Театры.

— Сборы парижскихъ театровъ въ январѣ мѣсяцѣ составляли сумму болѣе чѣмъ въ 2 милліона франковъ. Болѣе всѣхъ далъ сборъ оперный театръ: 147,000 фран.; театръ гимназіи—140,000 фр.; театръ французской комедіи 139,000 фр. Менѣе всѣхъ принесъ театръ Кюни: 31,000 франковъ. Вознагражденія авторамъ пьесъ составляли въ декабрѣ 1868 г., 150,000 франковъ, а въ январѣ—176,000 франковъ.

Разныя извѣстія.

— Самый глубокий колодезь на свѣтѣ роютъ теперь въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Сен-Луи. Имѣя уже теперь глубину въ 3,147 футовъ, колодезь этотъ не заключаетъ въ себѣ еще воды.

— Бирларъ, профессоръ химіи въ Руанѣ, получилъ отъ одного англичанина пару чулокъ лилового цвѣта съ вотканными шелковыми полосами яркаго краснаго цвѣта. При употребленіи этихъ чулокъ, каждая изъ этихъ полосъ вызвала на кожѣ сильное болѣзненное воспаленіе съ опухолью, послѣ чего слѣдовало общее нерасположеніе и заболѣваніе, похожее на слабое отравленіе, исчезавшее послѣ двухдневнаго леченія. Подробный химическій анализъ показалъ, что эти красныя полосы были окрашены такъ называемымъ кораллиномъ, новымъ красящимъ веществомъ, получаемымъ изъ фениловой кислоты. Говорятъ, что въ Англии подобныя случаи нерѣдки.

— Недавно въ типографіи лондонской газеты «Times» поставлена новая скоростная машина, печатающая 46,000 листовъ въ часъ (т. е. 23,000 полныхъ номеровъ этой газеты). Печатаніе производится на безконечномъ листѣ бумаги, накатанномъ на валъ, который по мѣрѣ надобности, равномерными поворотами спускаетъ съ себя извѣстное количество бумаги.

Похороны Фуадъ-Паши.

Въ политическомъ обозрѣніи № 7 «Всемирной Иллюстраціи», мы сказали нѣсколько словъ о смерти Фуадъ-Паши и его значеніи для Турціи. Теперь, предлагая картинку, изображающую перенесеніе тѣла бывшаго турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ обстоятельствахъ его смерти и похоронахъ.

Фуадъ-Паша умеръ 10-го февраля, въ ту минуту, когда думали, что онъ спасенъ, или, по крайней мѣрѣ, когда перестали бояться за печальный исходъ болѣзни. Доктора только-что вышли отъ него. Фуадъ-Паша потребовалъ бумаги и сталъ разбирать ихъ. Вдругъ, онъ упалъ навзничь. Позвали докторовъ; думали сначала, что съ нимъ просто обморокъ, но все уже было кончено.

Тѣло паши было набальзамировано и уложено въ двойной гробъ. Рустемъ-Бей, турецкій послан-

никъ во Флоренціи, другъ покойнаго, былъ при немъ послѣдніе дни. Ему выпала честь быть распорядителемъ похоронъ и представлять на нихъ особу своего государя.

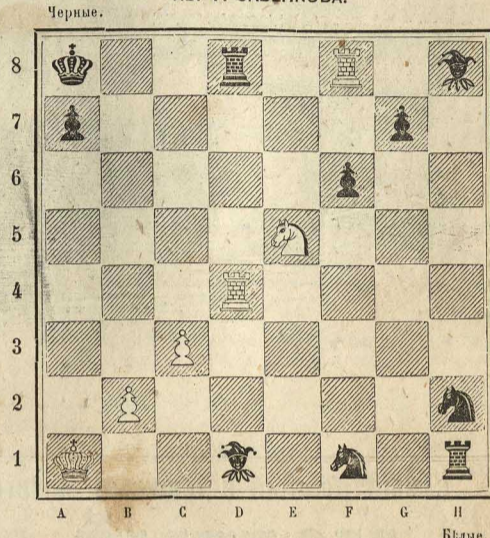
Въ пятницу, 19-го (7-го) февраля, въ 2 часа утра, похоронное шествіе направилось изъ виллы Авигоръ, гдѣ жилъ Фуадъ-Паша. Всѣ власти города Ниццы присутствовали при этомъ; пѣхотный полкъ отдалъ послѣднюю честь тѣлу покойнаго.

Кортежъ въѣхалъ въ Ниццу и, проѣхавъ чрезъ весь городъ, направился къ морю. Дулъ крѣпкій вѣтеръ и море было неспокойно. Французскій пароходъ «Renard» не могъ войти въ портъ и держался на вилла-франкскомъ рейдѣ. Такимъ образомъ, кортежу пришлось сдѣлать около 5 верстъ лишнихъ. Гробъ сопровождали соотечественники покойнаго и войска. Городскія власти сѣли въ кареты и разъѣхались по домамъ.

Тѣло Фуадъ-Паши перевезли на бортъ парохода, при чемъ экипажъ и сухопутныя войска отдавали честь. Черезъ нѣсколько времени «Renard» вышелъ въ море и Ницца снова приняла свою обычную, веселую физиономію.

ШАХМАТНАЯ ЗАДАЧА № 8.

ИВ. Т. САВЕНКОВА.

Бѣлые начинаютъ и дѣлаютъ матъ въ 4 хода.

Рѣшеніе задачи № 6.

1. e8—e7 d1—h5.
2. g2—e1 a4—b2.
3. e1—f3+h5—f3°.
4. e7—g6 матъ.

Рѣшеніе задачи № 7.

1. h7—d8 g7—f8 или h8 (A).
 2. a6—c8 f8—e8 (B).
 3. d8—c6 матъ —
- B.
2. f8—g7.
 3. d8—c6 матъ —
- A.
1. g7—g8.
 2. a6—a7 g8—f8 или h8.
 3. a7—f7 или h7 матъ —

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Г. К.-н., въ Киевѣ. — Благодаримъ за письмо. Ожидаетъ общанныхъ статей, а также рисунковъ новыхъ сооружений въ Киевѣ. «Вс. Илл.», согласно желанію вашему, высылается вамъ съ сегодняшнею почтою.

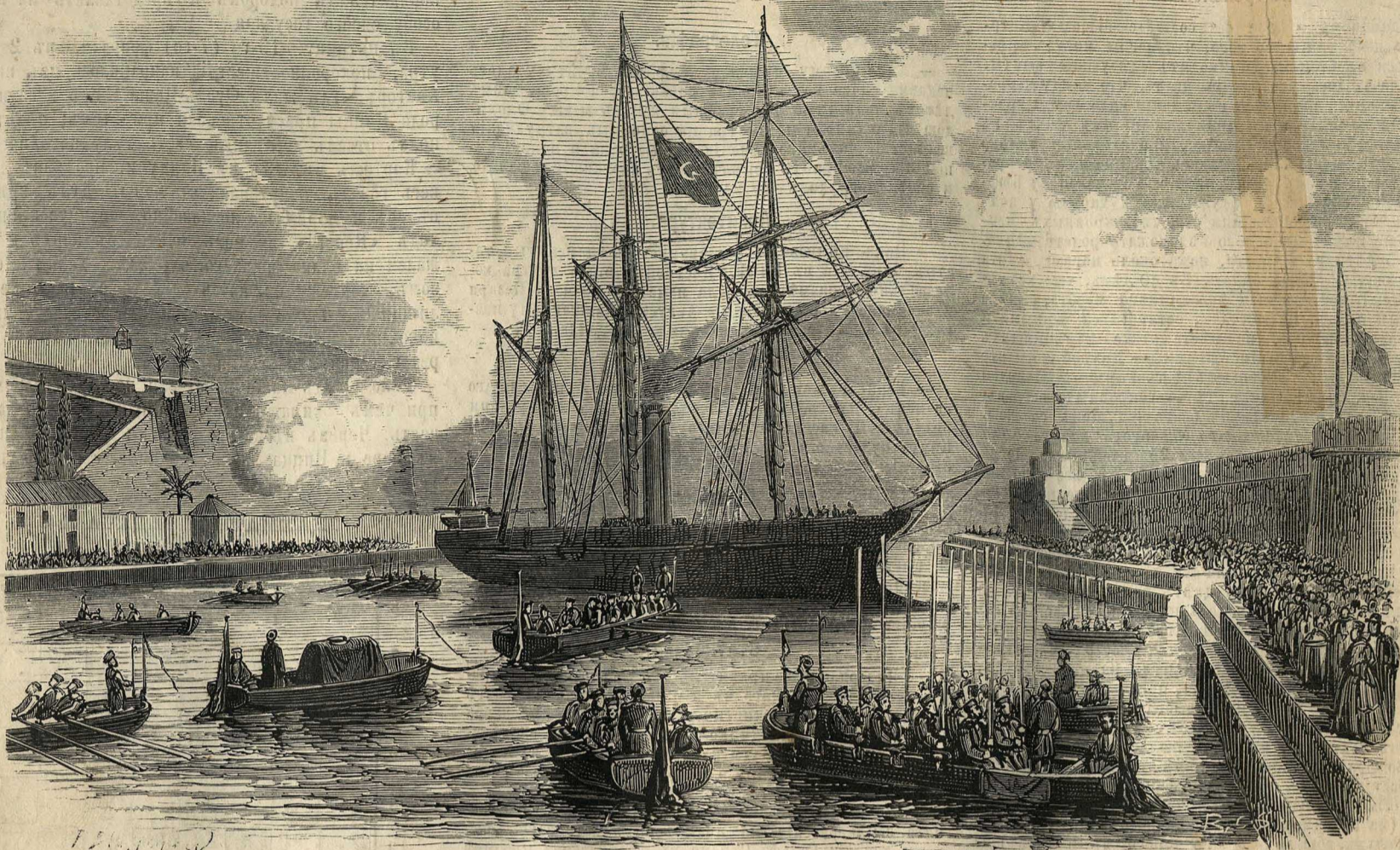
Г. Л. Н. А.-ву, въ Москвѣ. — Ждемъ вашихъ статей и общанныхъ портретовъ. Просимъ также позаботиться о рисункахъ и постоянной корреспонденціи изъ Москвы.

Г. Н. В., въ Москвѣ. — Портреты, присланные вами, пойдутъ въ одномъ изъ слѣдующихъ №№. Желаніе ваше, относительно статьи, будетъ съ точностью выполнено.

Г. Б.-ву, въ Москвѣ. — Ждемъ обѣщанной повѣсти. Отвѣтъ вамъ посланъ уже два мѣсяца назадъ; удивляемся вашей медленности.

Г. Ф. А. Т., въ Москвѣ. — Вы пишете, что въ Москвѣ нельзя получить отдѣльныхъ №№. «Всемирной Илл.» — они продаются у гг. Соловьева и Ланга.

Г. ? въ Вильнѣ. — «Вс. Илл.» высылается вамъ, и если вы не получили нѣкоторыхъ номеровъ, то обратитесь съ жалобою на неисправную пересылку.

Перенесение тела Фауд-Паши, на пароходъ «Renard», въ Вилла-Франка.

САМЫЙ ПОЛНЫЙ И ДЕШЕВЫЙ МОДНЫЙ ДАМСКИЙ ЖУРНАЛЪ

„МОДНЫЙ СВѢТЪ“

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДАМЪ.

Съ 1-го Декабря 1868 года, журналъ «МОДНЫЙ СВѢТЪ» началъ 2-й годъ своего существованія и, не измѣняя ни въ чемъ своей программы, издается съ прежнею со стороны издателя заботливостью о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ «МОДНЫЙ СВѢТЪ» въ 1869 году выходитъ тоже

ВЪ ДВУХЪ ИЗДАНИЯХЪ,

въ количествѣ 48 номеровъ въ годъ, т. е. четыре номера въ мѣсяцъ (два модныхъ и два литературныхъ) и будетъ заключать въ себѣ въ теченіи года: въ 24 модныхъ номерахъ до 1600 политипажныхъ рисунковъ моды и руководствъ въ текстъ; 12 большихъ листовъ выкроекъ (въ каждомъ листѣ до 15 выкроекъ); 6 вырѣзныхъ выкроекъ въ натуральную величину и 24 (или 12 для I изданія) модныхъ раскрашенныхъ парижскихъ картинъ, исполненныхъ лучшими художниками въ Парижѣ, а въ 24 литературныхъ номерахъ новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фелетонъ, стихотворенія, анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.

Вообще отдѣлъ моды будетъ заключать: 1) Самые послѣднія и въ лучшемъ вкусѣ моды для дамъ и дѣтей; 2) Образцы самой красивой отделки дамскаго и мужскаго бѣлья; 3) Богатую коллекцію узоровъ и образцовъ для вышиванія по канвѣ и гладью, для вязанія фривольте, филе-гипюра и различныхъ фантастическихъ работъ; 4) Рисунки послѣдней моды шляпокъ, чепчиковъ, причесокъ и головныхъ уборовъ.

Цѣна I изданія съ 12 раскр. карт. безъ доставки 4 р., съ дост. 5 р. съ перес. 6 р.; — II изданія съ 24 раскр. карт. безъ доставки 5 р., съ дост. 6 р. съ перес. 7 р. с. — Главная Контора редакціи (Германа Гоппе) находится въ С.-Петербургѣ, на Бол. Садовой ул., д. Ильина № 16.

АПТЕКАРСКІЕ И БЛАГОВОННО-КОСМЕТИЧЕСКІЕ ТОВАРЫ И. САБЛУКОВА.

Въ Гостиномъ Дворѣ, по Зеркальной линіи, № 39, въ С.-Петербургѣ.

Выборная парфюмери отъ фабрикъ и заводовъ:

Любенъ. Духи и помада.
Легранъ. Одезальтъ и кремы.
Пино. Духи Вилетъ де Пармъ.
Віоле. Мыло Тридакъ и проч. предметы.

Общества врач. Париж. Порошокъ зубной и прочіе предметы.

Гендри. Духи разныя и мыло Виндзоръ.

Пелетъ. Элексиръ и оданжъ для зубовъ.

Велій. Уксъ буке.

Д-ра Эвенсъ. Порошокъ и элексиръ для зубовъ.

Подробные прейсъ-курранты по требованію посылаются немедленно чрезъ почту.

Д-ра Пьеръ. Вода зубная.
Ф. Марія Фарина.
Ж. Ф. Фарина.
Е. М. Фарина.
Ж. М. Фарина № 4.
Ди комора. Краска для волосъ Меланожень.
Желе. Краска для волосъ Нитритинъ.
Товарищества заводовъ Царскаго мыла.
А. Ралле и Комп. (Коммисіонеръ).
С. Сіу и Комп. Шоколадъ и Драже (коммисіонеръ).

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

Статистическая таблица ГОСУДАРСТВЪ И ВЛАДѢНІЙ ВО ВСѢХЪ ЧАСТЯХЪ СВѢТА,

О. ГЮБНЕРА,

передѣланная на русскій языкъ съ 17-го нѣмецкаго изданія, съ переложеніемъ монетъ, вѣсовъ и мѣръ на русскій счетъ,

А. МАРКСОМЪ.

Цѣна 30 к., съ перес. 40 к.; наклеенная на коленкоръ 1 р. с., съ пер. 1 р. 50 к.

Содержаніе таблицы слѣдующее:

Пространство, образъ правленія, имя владѣтеля или правителя каждаго государства, число обитателей, государственные доходы, расходы и долги, находящіеся въ обращеніи бумажныя деньги, произведенія земли, ихъ вывозъ и привозъ, монеты, вѣсъ и мѣры по русскому счету, замѣчательнѣйшіе города въ каждомъ государствѣ, съ показаніемъ числа находящихся въ нихъ жителей и пр. и пр.

Такъ какъ таблица эта предназначена собственно для Россійской Имперіи, то иностранная метрологія переведена на русскій счетъ и обращено особое вниманіе на вѣрность статистическихъ цифръ.

Главный складъ находится въ конторѣ ГЕРМАНА ГОППЕ, въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой улицѣ, въ д. Ильина, № 16.

ПРОДАЕТСЯ ТАКЖЕ У ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ.

ПО ПРИНЯТИИ

МЕКЛЕНБУРГА ВЪ СОСТАВЪ СѢВЕРО-ГЕРМАНСКАГО
ТАМОЖЕННАГО СОЮЗА

принимаетъ заказы изъ Россіи

Чугунно-литейный, механическій и парокотельный
заводъ,

ТАКЖЕ

Корабельная верфь для желѣзныхъ пароходовъ
и парусныхъ судовъ

А. ТИШБЕЙНЪ въ Ростокѣ.

(Заводъ основанъ въ 1851 году).

Всѣ работы, относящіяся къ механическому производству, исполняются тщательно. Заводъ соединенъ патентованнымъ спускомъ къ докамъ въ 400 футовъ длины.

WILLCOX & TREADWELL
SEWING MACHINE COMPANY.

Жители всѣхъ городовъ Россіи, кромѣ С.-Петербурга, желающіе купить эту швейную машину, или же принять на себя агентуру оной въ большихъ городахъ, благоволятъ обращаться къ единственному по всей Россіи агенту компаніи Вилькокса и Гиббса, Ж. ВЛОКУ, въ Москву, на Кузнецкомъ мосту въ домъ князя Голицына. Тамъ же имѣется всѣмъ извѣстная швейная машина Гауэ младшаго и выборъ матеріаловъ для швейныхъ машинъ.

При семъ номерѣ прилагается, для иногороднихъ подписчиковъ, объявленіе Книгопродавца Д. Э. ОЕДОРОВА.